

На правах рукописи

Антонина Васильевна Грошева

**ЛАТИНСКАЯ
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА
НА ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ФОНЕ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург
2009

Работа выполнена в Отделе сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований Российской академии наук

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
главный научный сотрудник
Сергей Алексеевич Мызников

доктор филологических наук
профессор
Юрий Владимирович Откупщиков

доктор филологических наук
профессор
Мария Акоповна Таривердиева

Ведущая организация: **Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова**

Защита диссертации состоится 26 июня 2009 года в 14 час. на заседании диссертационного совета Д 002.055.01 при Институте лингвистических исследований Российской академии наук по адресу: 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института лингвистических исследований РАН по адресу: 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9.

Автореферат разослан 12 мая 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

В. В. Казаковская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена исследованию трёх основных тематических пластов латинской лексики – ландшафтного, земледельческого и растительного – в семантическом (синхронном), семасиологическом (диахроническом) и морфологическом аспектах; при анализе каждой лексемы исследуются её словообразовательные возможности; этимологический анализ проводится с акцентом на сохранившиеся ареальные связи лексемы в других индоевропейских языках.

Предметом исследования является выяснение общих и частных причин, культурно-исторических и внутриязыковых, вызывавших семантические изменения в каждой отдельно взятой латинской лексеме и в тематическом классе в целом. История каждой лексемы прослеживается на фоне сопоставления с соответствующими изменениями в других индоевропейских языках.

Объектом исследования является лексика латинского языка, представленная в памятниках письменности, начиная от архаической латыни и кончая поздней античностью; при определении круга лексем проводилась сверка с данными Оксфордского латинского словаря¹.

Актуальность исследования определяется важностью исследуемого пласта лексики не только для собственно латинского языка и римской культуры, но и для всех современных языков Европы. Особенно важным в этом отношении является изучение ботанической терминологии. Сельскохозяйственная лексика, ее возникновение и внутренняя форма, а также дальнейшее развитие семантики этих лексем способно пролить свет на такой важный культурный процесс, как появление сельскохозяйственной деятельности в древнейшей Европе.

Теоретической основой исследования являются работы по латинской лексикологии и словообразованию зарубежных и отечественных филологов и лингвистов (А. Эрну, А. Мейе, Ж. Марузо, Ж. Андре, Э. Сен-Дени, В. Пизани, М. Фрюи; И. М. Тронского, М. М. Покровского, Р. А. Будагова, Ю. В. Откупщикова, В. Г. Гака и др.), а также многочисленные исследования по лексике индоевропейских языков (германских, славянских, балтийских, иранских, албанского и пр.). В плане сравнительно-исторического рассмотрения латинской лексики теоретической основой настоящего исследования стал фундаментальный труд Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы»², наряду с работами зарубежных компаративистов (Э. Бенвениста, О. Семереньи, В. Порцига, Дж. Мэллори и Д. Адамса и др.)

¹ Oxford Latin Dictionary. / Ed. by P. G. W. Glare. Oxford, 1968–1982 (сокращенно OLD).

² Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

Гипотеза исследования заключается в том, что в лексическом составе латинского языка, как в любом развивавшемся языке, неизбежно должны были происходить определенные изменения, поскольку между выделением италийских языков (главным представителем которых является латинский) из индоевропейской общности и его самостоятельным существованием и функционированием лежит отрезок времени, исчисляющийся многими веками.

Цель исследования состоит в тщательном семантическом и этимологическом анализе лексем латинского языка трёх названных тематических классов. В связи с этим возникли следующие **задачи**: 1) определить степень сохранности индоевропейского наследия в каждом отдельном классе лексем, 2) проследить сохранившиеся ареальные связи латинских лексем с соответствующими лексемами других индоевропейских языков, 3) исследовать изменения в семантике каждой латинской лексемы (утрата старых значений и развитие новых), 4) осветить роль метафоры в создании новых, в том числе абстрактных значений.

Материалом исследования послужили сочинения латинских авторов, прежде всего трактаты о сельском хозяйстве – Катона (*De agri cultura*, II в. до н. э.), Варрона (*De re rustica*, I в. до н. э.), Колумеллы (*De re rustica*, II в. н. э.), поэмы Вергилия («*Georgica*», I в. до н. э.) и Лукреция (*De rerum natura*, I в. до н. э.), труд Плиния Старшего (*Naturalis Historia*, I в. н. э.), а также фрагменты прозаических и поэтических произведений других латинских авторов.

На защиту выносятся следующие положения:

1) в пределах рассматриваемых тематических пластов латинской лексики отмечено преимущественное сохранение терминов индоевропейского происхождения в *земледельческой сфере*;

2) выявлено формирование широко разветвленной сети префиксальных образований от некоторых глаголов (в частности, от глагола *sero* ‘сеять’) при крайней ограниченности подобных образований от других глаголов (например, *meto* ‘снимать урожай/жать’);

3) термины земледелия развивают переносные/абстрактные значения (метафорического свойства) и образуют синонимические ряды;

4) этимологический анализ системы *земельных мер* и терминов *землеводства* в древней Италии возможен только с учетом культурно-исторического контекста;

5) обновление латинской *ландшафтной лексики* осуществлялось за счет использования собственных словообразовательных средств латинского языка;

6) основным принципом, лежащим в основе семантических сдвигов при формировании *ландшафтной* и *растительной* лексики, является антропоморфизм;

7) ботаническая лексика сохраняет ареальные связи с другими индоевропейскими языками в большей мере по сравнению с *ландшафтной*.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) дан комплексный семантический и этимологический анализ лексем земледельческой латинской лексики;

2) выявлено значительное количество собственно латинских новообразований, созданных преимущественно с использованием сохранившихся в латинском языке индоевропейских основ;

3) отмечено крайне незначительное число заимствований из италийских и других языков;

4) предложены новые объяснения некоторых сомнительных этимологий (*viscum, truncus, planta, saltus*); предложены новые этимологии для слов, обозначающих *колос* и его части, а также дана оценка «народных» этимологий этих слов, предложенных Варроном в соответствии с его этимологической теорией (Var. R. R. 1. 10);

5) в *ботанической сфере* выявлено широкое метафорическое использование соматизмов в качестве терминов и названий растений и крайне редкий переход противоположного свойства (растительный термин —> соматизм);

6) продемонстрирована возможность взаимообмена значениями между соматизмом и растительным термином.

Теоретическая значимость. Проведённое исследование отдельных слоёв латинской лексики даёт представление о процессах формирования словарного фонда латинского языка, характерных особенностях, свойственных этому языку как потомку некогда существовавшей индоевропейской общности. Латинский язык во многом сохранил следы индоевропейского происхождения, в то же время изменяясь и развиваясь в соответствии с изменением места пребывания, культурно-исторических условий, хозяйственной деятельности, чтобы со временем превратиться в литературный язык, ставший на много веков для народов Европы языком образования и науки.

Практическая значимость и рекомендации по использованию результатов исследования. Представленный материал может быть учтён при написании «Исторической лексикологии латинского языка», а также может послужить источником для сопоставления при анализе аналогичных тематических классов лексики в других индоевропейских языках. Материалы по ботанической терминологии и номенклатуре могут быть использованы специалистами в области ботаники, при издании пособий и словарей, а также в процессе преподавания различных спецкурсов в медицинских и гуманитарных институтах.

Апробация работы. Результаты работы являлись предметом дискуссий на заседаниях Отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований РАН (1969–2009 гг.), а также обсуждались на ежегодных чтениях, посвященных памяти проф. И. М. Тронского (Институт лингвистических исследований РАН, 1972–2009 гг.) и на других конференциях, в частности посвященных 110-летию со дня рождения акад. В. М. Жирмунского и 90-летию со дня рождения чл.-

корр. А. В. Десницкой (Институт лингвистических исследований РАН, 2001, 2002).

По результатам исследования опубликована монография (20 п. л.) и 23 печатных работы общим объемом 20 п. л., в том числе 12 работ в рецензируемых научных изданиях («Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН», «Индоевропейское языкознание и классическая филология»).

Объем и структура диссертации. Диссертация объемом 410 с. состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, включающей 160 наименований.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяется предмет и объект, цели и задачи исследования, его новизна, теоретическая и практическая значимость.

Первая глава «Латинская ландшафтная лексика» посвящена семантическому и этимологическому анализу примерно пятидесяти терминов, обозначающих природные, естественные («нерукотворные») объекты земной поверхности (самой земли – 5, горы и её частей, также холма – 14, горного хребта, цепи гор – 4, скалы, утёса, кручи, обрыва – 15, горной тропы – 1, равнины, поля, долины – 9). Наличие столь большого, разнообразного по способу образования и разнородного по происхождению материала не даёт возможности представить здесь в полном объёме анализ каждого термина. Будут изложены только обобщения, явившиеся результатом всестороннего анализа лексики указанного тематического класса.

В нашем исследовании выдвигается ландшафтной лексики на первый план обусловлено несколькими причинами. Во-первых, ландшафт наряду с климатом является важной характеристикой среды обитания народа – носителя данного языка, его хозяйственной деятельности на занимаемом пространстве, условий жизни и быта, религии, обычаев, то есть всего жизненного уклада. Во-вторых, термины ландшафта косвенным образом могут свидетельствовать о том, жил ли этот народ на данной территории изначально или он переселился сюда из других мест с похожим или же иным ландшафтом, а также о том, как эта перемена среды обитания отразилась на всей системе обозначений ландшафта в языке данного народа, насколько сохранились в нём древние наименования и как велико количество новообразований. Исследование языковых фактов должно или способствовать поддержке представлений о перемещении италийцев из областей с другим ландшафтом или подвергнуть эти представления корректировке. В-третьих, необходимо с помощью сравнительно-исторического метода установить, с какими другими языками сохранил связи латинский язык в этом пласте лексики, подтверждающие его индоевропейское происхождение, насколько они многочисленны, случайны или закономерны; какие элементы ландшафтной лексики, реконструируемые

для общеиндоевропейского состояния, латинским языком были утрачены, и о чём может свидетельствовать их утрата.

Поскольку «традиция рисует латинян земледельческим и в ещё большей мере пастушеским племенем»³, очевидно, что ключевым термином в тематическом классе «лексика ландшафта» является обозначение *земли*. Для латинского языка насчитывается по крайней мере пять лексем с значением ‘земля’ – *humus, terra, tellus, solum, aridum*, которые никоим образом не могут рассматриваться в качестве абсолютных синонимов, потому что между ними имеются определённые различия как с семантической точки зрения, так и с точки зрения способа образования, этимологии, происхождения, архаичности и отражения в романских языках.

Из перечисленных возможных обозначений *земли* наиболее древним, относящимся по набору соответствий из других ветвей индоевропейской семьи языков к общеиндоевропейскому состоянию, является сущ. *humus, i f* ‘земля как нижняя сфера, область’, сохраняющее несомненно древнее (гендерное) противопоставление *земли* и *неба* (ср. *humi* ‘на земле’, *humilis* ‘низкий’, применительно к ландшафту ‘низменный или расположенный на низменности’).

Сущ. *terra, ae f* с разветвлённой системой производных, преимущественно прилагательных (*terreus, = terraneus*, откуда *mediterraneus* ‘средиземный’, *terrestris* и др., сущ. *territorium*), с самого раннего времени составляло сильную конкуренцию *humus*. *Terra* отражало чёткое противопоставление *земли* и *воды*, о чём свидетельствует наличие формул: *terra marique* ‘на суше и на море’, *aquam terramque petere* ‘требовать воды и земли’ (как знаков покорности). В отличие от *humus*, круг соответствий лат. *terra* из других языков весьма узок и ограничивается оскскими формами *terum* ‘territorium’, *teras* ‘terrae’ и кельтскими: др.-ирл. *tír* ‘область’, *tír* ‘сухой’, *tírím* ‘я сушу’, брет., валл. *tír* ‘земля’ (этимологически *суша*). Итальяские и кельтские слова являются образованиями от индоевропейской основы **t^her-s-* ‘сушить’ (*terra* < **tersa*), весьма неплохо представленной в разных индоевропейских языках: др.-инд. *tṛsyati* ‘он жаждет’, греч. *τέρσομαι* ‘сохну’, лат. *torreo* ‘сушу’, гот. *þauršjan* ‘жаждать’, арм. *t’aršamin* ‘увядаю, сохну’. Однако развитие значения *земля, суша* из общеиндоевропейской основы ‘сушить’ характерно только для итальянских (*terra*) и кельтских (валл. *tír*) языков. Данная семантическая изоглосса относится к более позднему хронологическому уровню индоевропейской общности, а именно ко времени после выделения тохарского из индоевропейского (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 419). *Humus* и *terra* во многих случаях выступают как взаимозаменяемые синонимы. Одной из тенденций развития латинского словаря было сокращение числа дублетов, избыточных форм и, тем самым, устранение оттенков значе-

³ Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1953. С. 115.

ния⁴. Жертвой этой тенденции оказалось *humus*, постепенно вытесненное синонимом *terra*, вошедшим во все романские языки; та же судьба, что и *humus*, постигла прил. *humilis*.

В семантике *tellus, uris f* – третьего члена лексико-семантической группы обозначения *земли* – есть особенности, отличающие это слово от употребления *humus* и *terra*: значение ‘земля как собственность’ → ‘земельный участок, поместье’ зафиксировано только у *tellus*. Как аномальное по форме слово изолированного типа оно разделило судьбу *humus*, уступив в романских языках место более простому по способу образования *terra*.

Отличительной особенностью сущ. *solum* является значение ‘земля’, ‘почва, особенно возделанная, обработанная’. Мнения этимологов сводятся к тому, что существует неразрывная связь между понятиями ‘селиться, оседать (< **sed-*) на земле’ и ‘возделывать землю’, поэтому латинскому *solum* находят семантические и формальные параллели в славянских и балтийских языках. Отсутствие кельтских соответствий препятствует тому, чтобы отнести появление лат. *solum* вместе со славянскими и германскими формами к времени существования «древнеевропейских диалектов», то есть к сравнительно позднему этапу членения индоевропейского языка. В отдельных романских языках лат. *solum* нашло отражение именно в значении ‘земля’, ‘почва’ (ср. франц. *sol*, исп. *suelo*, португ. *solo*).

Новообразованием в этой лексико-семантической группе обозначений земли является субстантив *aridum, i n* (подразумевается *solum aridum*) ‘суша, сухое место’, родственный глаголу *areo* ‘быть сухим’ (ср. выше этимологию *terra* и однокоренной глагол *torreo* ‘сушить’). *Aridum* иллюстрирует широко распространённую в латинской лексике тенденцию создавать путём субстантивации обозначения элементов ландшафта, не имевших специальных названий, или, как в данном случае, синонимичные образования к уже существующим. Этим средством широко пользовались поэты.

Таким образом, все латинские названия *земли* поддаются этимологизации на индоевропейском уровне. Явных заимствований из других языков не обнаруживается. Однако «возраст» этих слов в латинском неодинаков. Древнейшее слово восходит к отдалённому общеиндоевропейскому прошлому (*humus*), другие локализируются в истории самого латинского языка (*aridum*).

Италия – страна преимущественно горная, равнины занимают лишь пятую часть её поверхности. При анализе латинских обозначений возвышенностей – *gor* и *холмов* главной задачей было выяснить, в какой степени сохранилась в латинском языке индоевропейская система наименований элементов горного ландшафта, реконструированная в труде «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Гамкрелидзе, Иванов 1984), в которой многочисленность индоевропейских слов, обо-

⁴ Ernout A. Aspects du vocabulaire latin. Paris. 1954. P. 185.

значающих ‘высокие горы’ и ‘возвышенности’, расценивалась авторами как свидетельство *горного ландшафта* индоевропейской прародины, локализацию которой они относят к Малой Азии и Ближнему Востоку (там же: 866–867).

Важно отметить, что италийские языки, равно как германские и кельтские, не сохранили общеиндоевропейскую основу для обозначения *горы*. В значении ‘гора, возвышенность’ лат. *mōns, -tis* m образует периферийную диалектную изоглоссу **m(e)n-t^{hl}* вместе с авестийской и кельтскими формами. Данное обозначение горы в латинском ещё в древности связывали по происхождению с глаголом *emineo* ‘выдаваться’, ‘выступать’, ‘торчать’, другими производными от которого были *mentum* ‘подбородок’, *monile* ‘ожерелье’, *minae* (plur.) ‘зубцы, выступы’. Однако в термине *mons* не заключалось представления о горах, возвышающихся до небес, и о небе, мыслимом как ‘каменный свод’, и о ‘тучах’ и ‘облаках’ как ‘горах’; неприменимо к латинским фактам заключение о *горе* как достигающей неба каменной громаде, вершина которой скрывается в тучах, как в реконструкции Гамкрелидзе и Иванова (там же: 670). Утрачена также древняя традиционная связь между названиями ‘бога грома’ и ‘дуба’, ‘скалы’, ‘камней’, что косвенным образом должно свидетельствовать и об изменениях в религиозных верованиях латинян.

Заключение об общеиндоевропейском характере образований от корня **k^{hl}el-* ‘гора’, ‘возвышенность’ выведено на основании соответствий из «древнеевропейских» диалектов (в том числе лат. *collis, is* m ‘холм’), а также из анатолийских языков и греческого. Для наименования *холма (collis)* и *горы (mōns)* в латинском использован один и тот же характерный мотивирующий признак: то, что эти объекты *возвышаются, выступают, вздымаются* над ровной поверхностью земли (*collis* от **cello*, ср. префиксальные образования *ex-cello*, *ante-*, *pra-* ‘выдаваться’, ‘отличаться’, ‘превосходить’), поэтому было возможно употребление этих слов как синонимов. Интересен факт обозначения вершин, верхушек холмов родственными *collis* образованиями *columen* (более древнее) и *culmen* (более позднее): именно *culmen*, вытеснив *columen*, оставило следы в романских языках (ср. в этом плане аналогичную ситуацию с более «старым» *humus* и более «молодым» *terra*). Следует отметить ещё несколько синонимичных образований для обозначения *верха, вершины горы/ холма*, прежде всего многозначного сущ. *vertex, -icis* m (< *verto/vorto* ‘вертеть’), получившего это значение благодаря метафорическому переосмыслению соматизма *vertex* ‘макушка’, что наблюдается и в русском языке. Словом *sacūmen, inis* n могли обозначать как ‘вершину возвышенностей’, так и ‘верхушку дерева’, ‘острие стебля или ветки’ в сочинениях по сельскому хозяйству. Архаический способ образования *sacūmen* (удвоение) и наличие единственного соответствия – др.-инд. *kakubh-* f ‘вершина горы’ дают повод расценивать эту пару слов как крайне редкую изолированную индо-италийскую периферийную изоглоссу при утрате этого слова в

других индоевропейских диалектах. *Acūmen, inis* n (< *aciuo* ‘заострять’) ‘остриё, жало’ и вообще ‘острая часть, кончик любого предмета’, но – как поэтический образ – и *acūmen montis* ‘вершина, пик горы’, – в семантическом плане представляет собой латинское новообразование.

Трудноразрешимые проблемы ставит перед этимологами сущ. *saltus, -ūs* m, имеющее на первый взгляд два несовместимых значения, а именно: 1) скачок, прыжок 2) узкий, тесный проход сквозь лес, гористую местность; теснина, ущелье. Предполагается, что в основе второго значения заложено представление о холмистой местности, непригодной для пашни, которую, однако, можно использовать для выпаса скота, откуда значение ‘пастбище, выгон’. В императорскую эпоху словом *saltus* стали обозначать ‘имение, ферму с пастбищами’. Этимологи по-разному подходят к объяснению *saltus* в двух его значениях. Вальде и Хофман не связывают их между собой, посвящая каждому отдельную словарную статью: 1) *saltus* – производное от *salio* ‘скакать, прыгать’, греч. ἄλλομαι то же, ἄλμα ‘прыжок’; др.-ирл. *saltraim* ‘ступать ногами’ и *salad*, *nomem actionis* от указанного глагола (WH: 2, 468); 2) *saltus* (WH: 2, 470) сопоставлено лишь с ново-в.-нем. *Wald* (**sualtus*) [по Holthausen KZ 46, 178, Nehring Gl. 11. 291]. Эрну и Мейе идентифицируют оба значения *saltus*, не объясняя семантической связи между ними, отмечая лишь, что глагол *salto* (интенсивно-итеративная форма от *salio*) получил специфическое значение ‘плясать’ (ср. *Salii* ‘плясуны’, ‘прыгуны’, две жреческие коллегии). Всё это очень далеко от терминов ландшафта. Перекидным мостиком между двумя столь несходными значениями *saltus* 1) ‘прыжок, скачок’ и 2) термин ландшафта – могли бы послужить значения другого производного от *salio*, а именно *salebra, ae f* (преим. множ. ч.), обозначающего различные ‘неровности почвы’, ‘бугорок’, ‘кочку’, ‘ухаб (на пути)’⁵. Можно реконструировать в качестве исходного для *saltus* значения ‘затруднённый способ передвижения, напр. прыжками, по бугристой, кочковатой местности’. В этом случае можно отметить совершенно оригинальный вид образования в латинском языке термина ландшафта, где в основу, вероятно, положен способ передвижения. Если принять во внимание то обстоятельство, что стада летом перегоняли для пастбы в горы, в места, заросшие лесом, предположение о развитии значений *saltus* 2 из *saltus* 1 (метонимическим путём) не покажется таким уж неправдоподобным.

Никаких специальных новообразований для обозначения *горного хребта, горной цепи* в латинском создано не было. Для наименования этих понятий использовались метафорически переосмысленные уже имевшиеся в языке слова, значение которых расширялось: *iugum, i n* ‘ярмо’ → ‘горная цепь, кряж’ (*iugum Alpium*); *collum, i n* ‘шея’ → ‘горный перевал’; *scapulae, arum f* ‘лопатки, плечи’ → ‘горный хре-

⁵ Цицерон употребляет *salebra* образно для обозначения неровности, шероховатости стили.

бет’; *radix, icis* f ‘корень’ —> ‘подножие горы’ (Cato Agr. 1. 3 *sub radice montis*). Эти обозначения ландшафта почерпнуты из соматической и ботанической лексики, традиционно используемой для пополнения латинского словаря.

Для наименования *скалы* самым нейтральным словом было *rūpēs, is* f (образовано от *rupto* ‘разрывать, ломать, разрушать’); в семантическом плане как термин ландшафта (наряду с несколькими префиксальными именными формами – *ab-ruptum, prae-rupta, de-rupta*) *rūpēs* следует считать латинским новообразованием.

Иногда значения слова кажутся столь различными, что лишь обращение к истории реалий помогает установить связи между этими значениями. Так обстоит дело с *āra, ae* f ‘жертвенник, алтарь’; множ. ч. ‘скалы, утёсы’. *Āra* – общеиталийское слово (оск. *aasai* ‘in āra’, умбр. *ase* ‘arae’ и т. д.). Образование *āra* связывают с корнем **āš-* ‘жечь, высушивать’ (лат. *ārēō*), засвидетельствованным также в др.-инд. *āsa-* ‘пепел, зола, пыль’, арм. *ašium* ‘пепел’, гот. *azgo* f то же, наряду с др.-исл. *asca* то же, ново-в.-н. *Asche*, греч. ἄζω ‘сушить, сохнуть’ и даже в славянских языках, напр. чеш., слов. *ozditi* ‘сушить солод’. Эти соответствия лишь подтверждают индоевропейское происхождение корня и его исходное значение. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов реконструируют **Has-* ‘очаг’, исходя из хет. *ḫašši* дат.-мест. п. ‘в очаге’ и оск. *aasai* ‘на алтаре’, лат. *āra* ‘очаг’ (там же: 700); их интересует обрядовая, ритуальная роль *огня* и *очага*. Авторы отмечают, что основные термины ритуально-правовой сферы с точки зрения диалектного распределения ограничены, как правило, анатолийским и италийским (там же: 807), – речь идёт о таких терминах, как ‘священный’, ‘запрашивать богов’, ‘молиться’ и пр. К словам «этого же семантического поля можно отнести и и.-е. **Has-* ‘ритуальный очаг, алтарь’ при отражении в древнеиндийском этого слова в преобразованном значении: др.-инд. *āsa-* ‘пепел’, ср. также др.-исл. *arinn* ‘возвышенное место для разведения огня’...» (там же: 808, прим. 1). Использование ритуального термина *āra* для обозначения природных каменных возвышенностей следует рассматривать как латинское новообразование: первичным значением *āra* несомненно было ‘жертвенник’ (ЕМ: 42). Употребление *āra* как термина ландшафта в латинском свидетельствует о забвении происхождения слова, его мотивирующего признака – *жечь*, который был замещён признаком *возвышенный, выступающий*.

Исследователи отмечают проникновение в латинский язык из греческого многочисленных наименований *моря, утёсов* и *скал*, особенностей береговой линии (Тронский 1953: 126). Лат. *scopulus, i* m является древним заимствованием из греч. σκόπελος ‘скала’, ‘утёс’, родственного, как полагают, глаголу σκέπτομαι ‘смотреть’. За исключением

румынского, слово перешло в романские языки, ср., например, франц. *esciel* ‘риф’, ‘подводный камень’. Заимствование из греческого языка могло быть обусловлено отсутствием (или недостатком) собственно латинских терминов, обозначающих морские скалы и утёсы (до Пунических войн римляне были плохими мореходами). Лат. *petra*, *ae f* ‘камень’, ‘скала’, было заимствовано из греч. *πέτρα* *f* ‘скала’; ср. *πέτρος* *ó* ‘камень’. Впервые *petra* отмечено уже у Энния. Хорошие писатели избегают *petra* как заимствования, предпочитая лат. *saxum* ‘камень’, но в обиходном языке *petra* было общеупотребительным словом, пришедшим сначала из языка мореходов; сохранилось во всех романских языках (ср. франц. *pierre*, исп. *pedra*, рум. *piatră* и др.).

Остаётся рассмотреть пласт терминов, характерных для обозначения *ровных пространств земли*. В картине географической среды обитания древних индоевропейцев, воссозданной Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым (гл. V. С. 665–686), реконструкция указанных терминов отсутствует. В латинской лексике прежде всего следует указать на два слова, образованных от прилагательного *plānus* ‘плоский, ровный’ – *plānitiēs*, *ēi f* ‘плоскость, ровное место, равнина’ и его синоним *plānitia*, *ae f*. *Planitiēs* впервые отмечено у историка Сизенны (I в. до н.э.). *Planitia* встречается в надписях и перешло в романские языки. Что касается латинского, для обозначения *равнины* могла использоваться субстантивированная форма *plāna* (множ. ч. ср. р. из сочетания (*loca*) *plāna* ‘ровные места’), наряду с субстантивом *aequum*, *i n* ‘равнина’ (из *locum aequum* ‘ровное, гладкое место’). *Aequor*, *oris*, *n* могло обозначать как ‘ровную поверхность’ поля (ср. Энн. А. 137 *tractatus per aequora campi*), так и моря (Col. R. R. 8, 17, 3 *maris aequor*), или просто ‘море’. Подобно большинству слов, имеющих дифтонг *ae*, прилаг. *aequus* не имеет никакой надёжной этимологии (ЕМ: 11).

Лат. прилаг. *plānus* имеет во многих индоевропейских языках соответствия, возводимые к корню **p^[h](e)lH-* ‘широкий, плоский’ (Гамкрелидзе, Иванов: 781); производные от этого корня в ряде индоевропейских диалектов приобретают значение ‘земля’, то есть ‘плоская’, напр. др.-инд. *pr̥thivī* ‘земля’, ‘земная поверхность’, арм. *hoł* ‘земля’, ‘страна’, др.-ирл. *lāthar* ‘место’, *lār*, род. п. *lair n* ‘земля’, ‘почва’, ст.-сл. *polje*.

Для обозначения *равнины, открытого поля* в противоположность горе уже у Катона зафиксировано слово *campus*, наряду с синонимами *campānea*, множ. ч. ср. р., и *campānia f* ‘равнина, низменность’. Поскольку сельским хозяйством занимались чаще всего на равнине, *campus* получило значение ‘поле’ (ср. у Катона Agr. 1.7 *campus frumentarius* ‘хлебное поле’), в то время как *plāna* специализировалось в значении ‘равнина’. *Campus* конкурировало с *ager* ‘поле, пашня’, почти совершенно вытеснив его в романских языках. Вальде и Хофман, ис-

ходя из параллельных образований в нескольких индоевропейских языках, типа греч. ἄγκος 'долина' – ἄγκων 'изгиб', лит. *lankà* 'долина', 'прибрежный луг' – *flanka* 'загиб', гаэльск. *nante* 'valle', валл. *nant* 'ручей' (по-видимому, этимологически 'извилистый'), а также др.-инд. *nāma-* 'изгиб', 'извилина', предполагают для *campus* первоначальные значения 'сгибание', 'изгиб', 'загиб', 'низменность', сопоставляя это слово непосредственно с греч. κάμψή 'изгиб', 'поворот' и κάμπτω 'сгибаю', 'гну'; из аориста κάμψαι образован лат. глагол *campāsare* 'огибать', 'объезжать' (с Энния), вошедший в романские языки.

Приводя различные вариации корня **qam-* 'гнуть' (с *s-mobile* и без него, с детерминантами *-p-* и *-b-*), подкрепляемые многочисленными соответствиями из индоевропейских языков с довольно разнообразными значениями, Вальде и Хофман пытаются связать все сопоставляемые лексемы, в том числе и лат. *campus* 'поле, равнина', одним общим исходным значением 'гнуть', 'сгибать', 'огибать'. Топоним *Campānia* и прилаг. *Campānus*, хотя имеют вторичную назализацию по сравнению с оск. *Карв(ans)*, этрус. *capevane*, греч. Καππανος, тем не менее не могут быть отделены от *campus* (см. Schultze KZ 33. 374 и другие работы). Эрну и Мейе скептически относятся к изложенной гипотезе происхождения *campus*, считая греч. κάμψή 'изгиб, кривизна' по значению далёким от *campus* 'поле', которое, по их небезосновательному мнению, могло быть пережитком некоего древнего языка Италии, как другие сельскохозяйственные термины, напр. *falx* 'серп'.

В заключение можно констатировать, что преимущественно на базе индоевропейских основ (или, чаще, корней) в латинском языке сложилась *собственная* система обозначений элементов ландшафта (*земли, горы, равнины*). Как явствует из реконструкции индоевропейской «горной» лексики в книге Гамкрелидзе и Иванова (Гл. 5.2 Обозначения ландшафта), латинский язык в сущности представлен своими соответствиями в одной из индоевропейских изоглосс – хетто-греко-итало-кельто-балтийской (**k^[h]el-*, лат. *collis, culmen, columen*), а также в обозначениях земли (*humus, tellus*). Возможно, остатком общеиндоевропейского состояния в этом плане является и итало-индийская изоглосса (лат. *sacīmen*), а также «периферийная» итало-кельто-иранская (лат. *mōns*). Количественно наибольшая близость в наименованиях элементов ландшафта наблюдается между латинским и германскими языками. Однако по основным терминам *земля*⁶ и *гора* в этих языках наблюдается расхождение. Благодаря контактам после прибытия предков латинян в Италию, в их язык вполне могли проникнуть и названия элементов ландшафта; однако, например, ни одного явного за-

⁶ Но при соответствии латинскому *homo* 'человек' (< 'земной') готского *guta* 'человек'.

имствования из этрусского в изучаемой сфере лексики не оказалось. Весьма вероятно, что и сам понятийный набор элементов ландшафта увеличивался в процессе жизнедеятельности и расширения кругозора латинян. И здесь использовались преимущественно собственные ресурсы языка: обозначение новых понятий шло как за счёт увеличения количества значений уже существующих слов, так и за счёт образования новых слов.

Что касается вопроса о тождестве или изменении среды обитания латинян по сравнению с реконструированной средой обитания древних индоевропейцев, можно лишь заметить, что, на наш взгляд (и об этом уже было сказано), в латинской лексике ландшафта гораздо более утрат, чем сохранения общеиндоевропейского наследия, наряду со значительным количеством собственных новообразований. В латинской лексике никакого преобладания элементов высокогорного ландшафта, как-то: особые специальные обозначения высокой или заснеженной горы, достигающей вершиной до облаков, до неба и т. п., – не наблюдается. Может быть, дело было в традиционных занятиях римлян сельским хозяйством, в их образе жизни: для земледельца и пастуха ландшафт равнин и холмов с их крутыми или пологими склонами представлял гораздо больший интерес, чем неприступные горы. Для них важны были, например, горные пастбища (*salvus*) Апеннин, заросшие лесом, где летом скот находил корм и спасение от зноя, в то время как зимой его могли пасти на равнинных пастбищах.

Вторая глава исследования – «**Земледельческая лексика**» посвящена рассмотрению некоторых отдельно взятых лексико-семантических групп в этом обширном тематическом классе. Надо сказать, что земледельческая лексика, представляющая собой у оседлых народов один из древнейших пластов словарного фонда, довольно хорошо исследована в плане сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. Поэтому при разработке этой темы возник замысел охватить в языковом плане весь процесс возделывания земли в древней Италии, взятый как целостный цикл, начиная от *пахоты* и заканчивая *сбором урожая*, с целью выявления как сохранности общеиндоевропейского компонента в этом пласте лексики, так и своеобразия, свойственного латинскому языку. В каждом из актов земледельческого цикла ключевым словом является обозначающий конкретное действие глагол; кроме того, должен быть обозначен исполнитель действия, орудие/инструмент действия, представлены соответствующие названия производимого действия и пр. Таким образом, рассмотрению был подвергнут весь набор основных земледельческих терминов в следующих разделах: 1) глагол *aro* ‘пахать’ и производные от него образования. 2) глагол *sero* ‘сеять’ и его производные. 3) префиксальные образования с глаголом *sero* ‘сеять’. 4) глагол *meto* ‘снимать урожай’. 5) глагол *seco* ‘снимать урожай/косить’ в сопоставлении

с *meto*. Итальянские земледельцы с древних времён придавали *пахоте* самое серьёзное значение, считая её залогом хорошего урожая. Все авторы сельскохозяйственных трактатов разрабатывали эту тему – Катон кратко, Варрон, Колумелла, поэт Вергилий – подробно. В первом разделе, помимо глагола *arāre*, ‘пахать’ рассматриваются производные: имя деятеля – *arātor* ‘пахарь’, орудие действия – *arātrum* ‘плуг’, обозначение действия – *arātio* ‘вспашка’, субстантив *arātum*, *i* n (< part. perf. pass.) ‘вспаханное поле’ и *arvum*, *i* n (или *arva*, *ae* f) ‘поле, пашня, нива’. В одном из своих значений *arvum* является термином ландшафта: в этом случае как *низменность*, *равнина* *arvum* противопоставляется горной или возвышенной местности, – с одной стороны, или как *суша* морю, – с другой. Производное прил. *arvālis* – одно из древнейших слов, входящих в данную лексико-семантическую группу, эпитет в словосочетании *fratres Arvāles* ‘арвальские братья’ – коллегия из 12 жрецов, совершавших ежегодные жертвоприношения богам, чтобы пашни (*arva*) принесли урожай. Рассматриваются также композиты *ex-aro*, *in-aro*, *ob-aro*, выявляются их семантические отличия от основного глагола, роль префикса. Этимология древних индоевропейских названий *пахоты* и *паша* хорошо изучена: и.-е. корень **Har-* ‘обрабатывать землю’ выводится на основе сопоставлений хеттского, греческого, латинского, древнеирландского, готского, литовского и старославянского глаголов, имеющих значение ‘пахать’ (при отсутствии древнеиндийских и древнеиранских параллелей). В названиях *паша*, образованных от общеиндоевропейского корня **Har-*, в разных языках суффиксы варьируются. В отдельных языках сохранилось и индоевропейское слово для *пашни*: лат. *arvum* соответствует греч. гом. ἄρουρα ‘пахотная земля’, ‘нива’, ‘поле’, ср.-ирл. *arbor* ‘злак’, арм. *haravunk* ‘пашня’, ‘поле’. Можно заключить, что лексико-семантическая группа латинского глагола *aro* предстает значительным количеством производных, что является отражением потребности в обозначении важных понятий этого начального земледельческого цикла.

Второй этап земледельческих работ – *сев*; ключевое слово второго раздела главы – глагол *sero* ‘сеять’, который как по своей семантике, так и по форме (удвоение в презенсе) относится к числу наиболее древних образований в ряду терминов земледелия. Его особенность с семантической точки зрения состоит в том, что в своём употреблении он сохранил два значения – ‘сеять’ и ‘сажать’, то есть ‘закреплять в земле семя, саженец’, свидетельствующие о том времени, когда сеяли зерно, не разбрасывая его, а втыкая зерна в землю одно за другим. В этих двух основных значениях глагол *sero* засвидетельствован в самых ранних памятниках латинской письменности – у Энния, Плавта, Катона и у других авторов более позднего времени. Значение ‘засевать что-либо’ (землю, поле) является трансформацией основного значения *sero* как переходного глагола. Результативным следует считать значение ‘рождать, порождать, производить на свет’, наблюдаемое чаще всего у причастия перфекта *satus* в сочетании с аблативом и предлога-

ми *ab, de* (или без них) в лексической сфере, не имеющей отношения к сельскому хозяйству: условно её можно назвать «происхождение, родственные отношения» (Prop. 3. 9. 19 hic *satus ad pacem, hic castrensibus utilis armis* ‘Этот для мира *рожден*, а тот для военного стана’). Последним надлежит отметить образное, переносное употребление глагола *sero* в выражениях типа ‘сеять семена чего-л., насаждать, разжигать’ (*discordias, bellum, crimina* etc.), именуемых, как правило, негативный оттенок. Из обзора немногочисленных значений глагола *sero* можно сделать вывод, что главной сферой его употребления в соответствии с исходным значением ‘сеять’ было земледелие.

Следующим важным компонентом данной лексико-семантической группы является сущ. *sēmen, inis n* ‘семя’. В соответствии с двойственным значением глагола *sero* ‘сеять’, ‘сажать’, *sēmen* могло означать как ‘семя’ (любого растения), так и ‘саженец’. *Sēmen* употреблялось и для обозначения ‘семени, спермы живых существ’, что повлекло за собой возникновение абстрактных значений ‘родство’, ‘происхождение’, ‘порода’; ‘отпрыск, потомок’. Однако вершиной абстракции следует считать терминологическое использование *sēmen* для обозначения *атома* в философской поэме Лукреция *De rerum natura* («О природе вещей»): Луср. 1. 501 *Sēmina quae rerum primordiaque esse docemus* ‘Мы учим, что есть вещей *семена* и начала’.

В переносном значении *sēmen* означало ‘первоисточник’, ‘основу’, ‘причину’ какого-либо явления (такое употребление не чуждо и современным языкам).

Из приведенного обзора значений *sēmen* следует, что древним была понятна амбивалентная природа такого сложного материального объекта, каким является *семя*: это, с одной стороны, и материал для посева (то есть объект действия), и в то же время – плод; потомок (результат действия). Ср. рассуждение Варрона на эту тему (Var. R. R. 1. 40); смысл его сводится к следующему: первичные *семена* дала природа, а прочие были добыты опытом земледельца. Первичные *семена* были рождены до того, как *были посеяны*; вторичные, собранные из них, рождены не прежде, чем *были посеяны*. Со временем в качестве заместителя архаического глагола *sero* стал использоваться более «полновесный» по форме глагол *sēmino*, семантически мало отличающийся от своего предшественника и послуживший источником целого ряда новых производных, в некоторых случаях дублирующих производные от *sero*. Так, для обозначения действующего лица имелись сущ. *sator* и *seminator*: *sator* ‘сеятель’; ‘человек, занимающийся посадками’, в переносном значении ‘создатель, основатель’ (обычно по отношению к божеству); *seminator* встречается только в переносном значении. *Satio, onis f* и *satus, us m* – два абстрактных существительных, различие смысла которых представляет определённые трудности. По мнению Бенвениста, исследовавшего два больших типа абстрактных слов на

-tus и -tio⁷, слова с суффиксом -tio указывают на действие, реализующееся вне субъекта, совершающееся в объекте; слова на -tus – действие субъективное, исходящее от субъекта: следовательно *satus* ‘посев’, ‘засев’ противопоставляется *satio*, обозначающему само ‘действие сеяния’, ‘посадку’. Другое, конкретное значение *satus, us m* – ‘черенок’, ‘побег’, ‘саженец’, совпадающее с *sēmen*.

Латинским новообразованием от *semen* является сущ. *seminarium* ‘питомник’, ‘рассадник молодых деревьев’ (с суффиксом -arium образовывали имена ср.р., обозначавшие разного рода помещения), метафорически употреблявшееся уже в древности (Var. Men. 111 hoc (sc. vinum) hilaritatis dulce *seminarium* «вино – приятный источник веселья»). Формальной параллелью к *satio* является сущ. *seminatio* ‘осеменение, оплодотворение’ (о животных); семантическая параллель к *satio* – сущ. *sementis, is f*, вошедшее в состав описательной конструкции *sement-em/-im facere* ‘сеять’, употреблявшейся взамен простого глагола *sero*.

Прилагательные также образовывались от двух основ: древней **se-/sa* (*sativus* ‘посевной, культивируемый’, *satorius* ‘употребляемый для посева или посадки’) и более новой *semin-* (*seminalis* ‘семенной, посевной’, *seminarius* то же, *seminosus* ‘обильный семенами’). Прил. *sementivus* (< *sementis*) ‘посевной’ употреблялось при названиях разных сельскохозяйственных культур и плодов, созревающих в период осеннего сева зерновых; в январе существовал специальный праздник по окончании посевных работ – *feriae sementivae*.

По своим значениям к изучаемому классу слов относится сущ. *seges, segetis f*: 1) посев, хлеб на корню (= *sementis, is*) 2) пахотная земля, пашня, нива (= *ager, arvum, campus*), о древности которого свидетельствует наличие этого слова в законах XII таблиц; происхождение его, однако, не вполне ясно. Очень выразительно сталкиваются *seges* и *sēmen* в афористичном стихе Марциала: Mart. 5. 42. 4 non reddet sterilis *sēmina iacta seges* ‘не вернет бесплодная пашня брошенные в нее семена’. Варрон дважды касается слова *seges* в обоих своих сочинениях, приводя следующие толкования: Var. R. R. 1. 29. 1 *Seges* dicitur, quod aratum satum est ‘*Seges* называется то, что, будучи вспаханным, засеяно’; L. L. 5. 37 *Seges* ab satū, id est sēmine ‘*seges* (происходит) от *satus*, то есть от *sēmen*’. В последнем высказывании Варрон связывает общим происхождением все три слова, но если этимологическая общность *satus* и *sēmen* для нас несомненна, то относительно *seges* этого нельзя утверждать со всей определенностью. Этимологический словарь Эрну и Мейе относит *seges* к числу слов, не имеющих ясной этимологии, в то время как в словаре Вальде и Хофмана высказывается предположение о связи лат. *seges* с валлийскими соответствиями – ср.-валл. *sehe* ‘семя’, др.-валл. *segeticion* ‘побег, потомок’, н.-валл. *hau* ‘сеять’ и т. д., якобы восходящими к корню **sē-*, от которого образовано

⁷ Benveniste E. Noms d’agent et noms d’action en indo-europeen. P., 1948. P. 96–104.

лат. *sero*. Но, как верно замечают Эрну и Мейе, наличие сходства между лат. *seges* и валлийскими формами не дает права выводить и латинское, и валлийские слова из корня **sē-*. И все же Вальде и Хофман не исключают возможности рассматривать корень **seg-* в *seges* и его производных, а именно: *segetālis* ‘растущий среди хлебов’, *Segetia* или *Segesta*, *Sēia* (по-видимому, < **seg-ia*) – различные имена богини-защитницы посевов – как расширенный вариант корня **sē-* ‘сеять’.

Итак, глагол *sero* ‘сеять’ в двух своих формах корня *sē-/sa-* послужил для создания небольшого количества производных, в числе которых слова, обозначающие действующее лицо, деятеля – *sator*, *oris* m, объект или результат действия – *sēmen*, *inis* n, само действие – *satiō*, *ōnis* f, *satus*, *ūs* m; к этой же группе производных относятся прил. *satiōrius*, *sativus*. Название орудия действия (типа *сеялка*) не представлено, очевидно из-за отсутствия специального механизма, с помощью которого производился сев.

Значительное пополнение в изучаемый словообразовательный ряд внесло слово *sēmen*, от более «полновесной» основы которого по существу были образованы морфологические дублеты: к *serere* – глагол 1-го спряжения *sēmināre*, к *sator* – *sēminātor*, к *satiō* – *sēminātiō*. Под влиянием этой новой основы, осложненной *-a-*, или непосредственно от неё были образованы сущ. *sēminārium* и ряд прилагательных.

Таким образом, корень **sē-/sə-* ‘сеять’, сохранившийся, возможно, с периода индоевропейской общности, на латинской почве послужил основой для создания целого словообразовательного ряда, составляющие которого были жизненно необходимы для обозначения различных понятий в сфере земледелия. Другой стороной процесса было постепенное расширение значений у возникших некогда образований от рассматриваемого корня, значений, выходящих за пределы земледельческой лексики.

Отдельному рассмотрению подверглись префиксальные образования с глаголом *sero*. Семантический анализ производных сочетался с выяснением роли префикса в качестве грамматического средства для перфективации латинских глагольных форм. В случае совпадения значений первичного и префиксального глаголов можно говорить об их чисто видовой соотнесённости и о наличии делексикализованного префикса, наделённого лишь грамматической семантикой⁸. Если сравнение даст нам полное совпадение значений исходного и префиксального глаголов, тогда можно будет говорить о наличии «пустого», делексикализованного префикса; если же совпадение будет неполным, то возможны два варианта: 1). часть значений исходного глагола отсутствует у префиксального; таким образом, объем значений производного сократился 2). наряду со значениями исходного глагола (или

⁸ Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1956. С. 12.

взамен отпавших) образовались новые значения, которых не было у производящего глагола. В этих двух последних случаях присоединение глагольного префикса не может рассматриваться как чисто грамматический процесс, а сам префикс как формальное средство перфективации глагола. Именно под таким углом зрения и анализируются все префиксальные образования от *sero*.

Глагол *sero* сочетается с большим количеством префиксов. Производные с префиксами *con-*, *in-*, *ob-* весьма употребительны; с другими префиксами *sero* сочетается значительно реже. *Consero* в значении ‘сеять’ (семена, хлеб), ‘сажать’ (деревья) совпадает с простым *sero*, однако это значение для *consero* не является главным: на первый план выдвигается значение ‘засевать, засаживать’ (землю, поле и т.д.), которое у *sero* было едва намечено (у поэтов). Составители Оксфордского словаря (OLD) полагают, что наличие префикса *con-* придает глаголу некий дополнительный оттенок значения и *consero* означает ‘засевать/засаживать (землю) обильно’ (или, может быть, ‘плотно, густо’? – to sow or plant plentifully). Однако, на наш взгляд, предпочтительнее видеть здесь в префиксе *con-* оттенок вестороннего охвата объекта действием, «полноохватность» действия, выражаемого *consero* по сравнению с простым глаголом. Поэты употребляют *consero* в различных переносных значениях. Однако определённое различие в семантике простой и префигированной форм этого глагола играет не столь важную роль, как их грамматическое противопоставление, что подтверждается на материале, например, текста Катона (Cato Agr. 6. 1), где эти формы выступают как синонимы (*serito* 8: *conserito* 2). Производных от *consero* было несравненно меньше, чем от *sero* и *semen*: название действия *consitio* имеет то же значение ‘сеяние, посадка’, что и *satio*. Равнозначны *sator* ‘сеятель’ и *consitor*. Имя римской богини плодородия и урожая *Ops* сопровождалось эпитетом *Consīva* ‘сеятельница’ (объяснение \bar{i} затруднительно). Прилагательные с префиксом *con-* образовывались только от именной основы *semen* ‘семя’: *conseminalis*, *consemineus*.

Композит *insero*, *sēvi*, *situm*, *ere* (глагольным префиксом служит предлог *in* ‘в, на’) в отдельных случаях сохраняет основные значения, свойственные первичному глаголу *sero*, то есть ‘сеять’, если речь идет о зерновых, или ‘сажать’ – о лозах, деревьях, кустарниках и пр. В агрономических текстах можно встретить композит *insero* и в значении ‘засевать (землю чем-либо)’, которое является основным для *consero* и второстепенным для *sero*.

По сравнению со значениями, свойственными *sero* и *consero*, совершенно новым является у *insero* специальное техническое значение ‘прививать (черенок, побег)’.

Широкая употребительность *insero* в специфическом значении ‘прививать’ способствовала развитию у этого глагола абстрактных переносных значений ‘насаждать, внедрять, пускать корни, укореняться’, продлевая, таким образом, линию развития метафорических зна-

чений, отмеченных у *sero* и *consero*. У разных латинских авторов можно найти много примеров метафорического переосмысления *insero* и особенно его перфектного причастия *insitus*: Cic. Orat. 97 (eloquentia) *inserit* novas opiniones, evellit *insitas* «красноречие способствует установлению новых мнений (букв. прививает), уничтожает укоренившиеся».

Словообразовательный ряд глагола *insero* по своему объему не уступает ряду простого глагола *sero*. *Insitio*, *ōnis* f в качестве технического термина означает как 'прививка', так и 'место прививки', а также 'способ прививки' (отмечено и сущ. *insitus*, *us* m 'прививка'). Примеров употребления *insitio* немало в «Земледелии» Катона, который подробно разрабатывает тему прививок различных плодовых растений, прежде всего винограда. В поэме Лукреция «О природе вещей» находим яркий стихотворный пример, ценность которого, помимо заключенной в нем важной информации, состоит в соположении существительных *satio* и *insitio*: Lucr. 5. 1361 At specimen *satiōnis* et *insitiōnis* origo / Ipsa fuit rerum *grūm* natura creatrix «Первый *посева* пример и образчик *прививки* деревьев / Был непосредственно дан природою, всё создающей» (пер. Ф. А. Петровского). Того, кто делал прививки, именовали *insitor*, *oris* m.

Прил. *insitīvus* 'привитой' (аналог *satīvus* 'посевной', 'культивируемый') служило определением к названиям плодов привитых деревьев в противоположность дичкам (Hor. Epod. 2. 19 *insitīva* decerpens *riga* «срывающий *привитые* груши»). В сфере человеческих, родственных отношений *insitīvus* употреблялось по отношению к лицам, которые не являются законными потомками, а вошли в семью, например, в результате усыновления (речь может идти о внебрачных или приемных детях и т. п.): Sen. Con. 2. 1. 21 tota familia expellere *insitīvum* heredem cupiente «так как вся семья желала изгнать *наследника по усыновлению*». Прил. *insitīcius* 'полученный путем скрещеня, гибрид' является по своему происхождению техническим термином, употреблявшимся в языке животноводов, откуда оно перешло в другие сферы жизни и деятельности.

Наличие префикса в производном *obsero* не влияет на изменение значения: 1) сеять, сажать 2) засевать что-л. чем-л. Как показывает употребление *obsero*, префикс *ob* не несёт в нём никакой смысловой нагрузки, поскольку значения предлога *ob* 'перед, против' в этом глаголе не прослеживаются. Семантическое сходство *obsero* с простым *sero* проявляется и при образном или метафорическом переосмыслении: 'сеять' > 'порождать'. Прич. *obsitus*, в сфере растительности означающее 'посеянный, посаженный', при характеристике людей (в негативном плане) приобретает результативное значение 'поросший, обросший' (стандартная метафора *obsitus aevo* 'престарелый', ср. *consitus senectute* 'состарившийся').

Следует отметить 14 префиксов, участвующих в создании образований, сложных с *sero* (из которых рассмотрено 3), что в значитель-

ной мере связано с семантикой данного глагола, допускающей различные пространственно-временные уточнения ('в', 'перед', 'у, возле', 'между', 'вокруг', 'под', 'прежде', 'ранее', 'снова' и т. д.). Эти префиксы неоднородны по своему составу. Наиболее велика доля глагольных префиксов, совпадающих по форме с предлогами и не имеющих наречного употребления (*ad-, com-, de-, in-, ob-, per-, prō-, prae-, sub-, inter-*); практически только два префикса из этой серии, *ab-* и *ex-*, не сочетаются с глаголом *sero*. Эти предлоги-префиксы, восходящие к наречным элементам, «принадлежат, по большей части, к числу унаследованных и засвидетельствованы также и в других ветвях индоевропейской языковой семьи»⁹. Префиксы *dis-* и *re-*, не употреблявшиеся самостоятельно, также участвуют в образовании производных от *sero*.

Из числа предлогов, сохраняющих наречное употребление и выступающих в качестве глагольных префиксов (их всего десять), только *circum-* и *super-* были использованы для создания сложных с *sero* образований. Группа этих предлогов-наречий представляет собой, по большей части, «продукт позднейшего, итальянского, или уже собственно латинского развития». Обобщая, можно сказать, что глагол *sero* в полной мере использует широкие словообразовательные возможности, предоставляемые разветвленной системой латинских префиксов.

Родственный и сходный в своих значениях с *sero*, но более «полновесный» по форме глагол *sēmino*, вытеснивший в романских языках своего архаического по образованию предшественника, сочетался с меньшим числом глагольных префиксов (7): засвидетельствованы *in-sēmino*, *prō-*, *dis-* и *re-*, *inter-*; поздние *prae-* и *supersēmino*.

Рассмотренные префиксальные образования различаются между собой как по частоте употребления, так и по количеству производных от них. Наиболее активными в том и в другом плане являются *consero* и *insero*, прочие глаголы встречаются значительно реже и не имеют производных (*obsero*, *assero*, *dissero*) или представлены единичными и обычно поздними примерами (*prōsero* и др.).

Употребительность того или иного образования в рассмотренной группе производных от *sero* несомненно в первую очередь связана с семантикой префиксальной формы. Чем меньше ограничений, уточнений накладывает тот или иной префикс на значение производного, то есть чем неопределеннее значение префикса, тем свободнее и шире употребление самого производного, тем быстрее идет процесс десемантизации префикса; утрачивая собственное значение, такой префикс может стать грамматическим средством для выражения видового различия, как это произошло с префиксом *com-*, не имеющим в *consero* значения совместности действия, свойственного предлогу *cum*, а также с префиксом *ob-*. Однако следует признать, что большинство префиксальных производных от *sero* не утрачивают своих реальных значений

⁹ Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М.: Индрик, 2001. С. 388.

и поэтому их префиксы не превращаются в чисто грамматические видовые признаки.

Анализ семантики рассмотренных префиксальных образований показал, что все они (за редким исключением) сохраняют живую связь с первичным глаголом *sero*, во многом дублируя как его конкретные, так и абстрактные значения. Наряду с исходными сельскохозяйственными значениями ‘сеять/сажать’, ‘засевать’, возникло общее для ряда префиксальных глаголов результативное значение ‘(по)рождать’, ‘производить на свет’. Только у *insero* появилось новое техническое значение ‘прививать’. Кроме того, у префиксальных производных получило развитие и чисто метафорическое употребление ‘сеять семена чего-либо’, ‘насаждать’, ‘разжигать’ (*вражду, раздор, преступления* и т. п., обычно с отрицательным оттенком). Более других глагольных форм переносному употреблению подвергались перфектные причастия, постепенно утрачивавшие глагольные признаки на пути превращения в прилагательные. Типичным примером метафорического переосмысления являются словосочетания *consitus (obsitus) senectute (aevo, annis)*, передающие значение прилагательного ‘старый’; *insitus* ‘привитой’ как прилагательное получило значение ‘врожденный, прирожденный, свойственный’. Подобные явления семантической деривации, основанной на метафорическом переносе значений, наиболее ярко свидетельствуют о делексистикализации глагольного префикса¹⁰. Можно констатировать, что лексико-семантическая группа «глагол *sero* и его префиксальные образования» внесла заметный вклад в создание абстрактной латинской лексики.

Третий акт земледельческого цикла – уборка урожая. Ключевым словом в данной лексико-семантической группе является глагол *meto* ‘косить’, ‘жать’, ‘снимать/убирать урожай’. *Sero* и *meto* часто встречаются в одном контексте, так как они обозначают действия, между которыми в реальности существует неразрывная связь: первое действие неизбежно должно повлечь за собой второе, второе является следствием первого. Благодаря многовековому опыту земледельцев древней Италии, связь между *sevom* и *жатвой* закреплена в пословичных выражениях, например, *ut sementem feceris, ita metes* «как *посеешь*, так и *пожнешь*» (Cic. de Orat. 2. 261), *mihī istic nec seritur nec metitur* «мне здесь не *сеять* и не *жать*» (Plaut. Epid. 265), т. е. «мне это безразлично». Вероятно у любого народа, основным занятием которого некогда было земледелие, можно найти подобные образцы народной мудрости.

Среди основных глагольных форм *meto, messui, messum, ere* обращает на себя внимание редкая, очевидно вторичная, форма перфекта со sdвоенным суффиксом *-s- + -ui*, возникшая в результате распро-

¹⁰ Смирницкая С. В. Грамматизация словообразовательных элементов в истории немецкого языка (на примере префикса *ge-*) // Труды по германистике и истории языкознания. СПб., 2002. Наука. С. 13.

странения перфекта на *-vi (-ui)*: **mes-s-i > mes-s-ui* (Тронский 2001: 286).

По единодушному мнению авторов этимологических словарей латинского языка (Вальде – Хофман, Эрну – Мейе) корень *met-* ‘косить, снимать урожай, жать’, кроме латинского, встречается только в кельтских языках: те же самые значения имеют ср.-брет. *midiff*, н.-брет. *medi* (Pedersen I 162). Кельтские соответствия прослеживаются и в производных словах: корн. *midil* ‘messor’ (жнец), др.-ирл. *meithleorai* ‘messores’ (жнецы), ср.-ирл. *meithel* ‘группа жнецов’, с тем же значением др.-валл. *medel* и т. д. Таким образом, в отличие от лат. *sero* ‘сеять’, имеющего надежные соответствия в нескольких ветвях индоевропейских языков (в хеттском, правда, с измененным значением; определенно в германских, балтийских, славянских языках, но при отсутствии параллелей из индоиранских языков, греческого и армянского), лат. *meto* ‘жать’ следует рассматривать как изолированную итало-кельтскую изоглоссу. Иная точка зрения представлена в труде Гамкрелидзе и Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы», где итало-кельтские соответствия авторы сближают с хет. *mai-/mija-* ‘созревать’, ‘расти’, ‘процветать’, *med.* ‘рождаться’, ср. др.-инд. *mīmīte* ‘зачинается’, ‘созревает’ (о плоде во чреве матери); ср. тох. В *maiyu* ‘сила’, *maiwe* ‘молодой’, др.-в.-нем. *māen* (нем. *māhen*), др.-англ. *māwan* (англ. *mow*) ‘жать’, ‘убирать урожай’ – и на основе этих соответствий реконструируют и.-е. **meH(i)-* ‘созревать’, ‘собирать урожай’, ‘время созревания урожая’ (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 691). Однако подобные сближения, по нашему мнению, нельзя считать вполне удовлетворительными как с точки зрения фонетики, так и семантики. Более близкой к истине представляется точка зрения О. С. Широкова, который считает, что индоиранский корень **me-* ‘зреть’, ‘расти’, ‘процветать’; ‘рождаться’ с распространением **-t-* только в итало-кельтских языках получил значение ‘косить’, ‘жать’; в германских языках этот корень имеет другое распространение¹¹. Ср. точку зрения В. Порцига: «Как бы ни представляли себе возникновение **met-* из **me-*, во всяком случае, это более поздняя форма корня. В балтийских и славянских языках в значении ‘жать’ повсюду употребляются слова с более общим значением ‘резать’; это же имеет место в некоторых германских языках». Порциг относит *metere* к ряду слов, отражающих древние различия в индоевропейском словообразовании¹².

В значении ‘убирать урожай’, ‘жать’ (зерновые – пшеницу, ячмень) *meto* зафиксирован в самых ранних латинских памятниках. Речь может

¹¹ Широков О. С. Реконструкция праязыковых изоглосс общиндоевропейского континуума // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М.: Наука. 1988. С. 56.

¹² Порциг В. Членение индоевропейской языковой общности. Редакция и предисловие А.В.Десницкой. М. Прогресс. 1964. С. 152–153; 158.

идти не только о жатве, уборке зерновых, но и других сельскохозяйственных культур или трав, зелени, даже о сборе винограда. Как и при глаголе *sero*, при *meto* встречается *figura etymologica*: *sero semina* ‘сеять семена’ – *meto messem* ‘жать жатву’. Возможно и метонимическое употребление *meto*, когда объектом глагольного действия становится не выращенный продукт, подлежащий уборке, а сама земля, поле и т.п.: Col. R. R. 2. 12. 6 *iugerum agri eius...metit unus* «один югер этого поля (люцерны) *убирает* один (человек)». Отмечено и абсолютное, безобъектное употребление *meto*: Plaut. Mer. 71 *tibi occas, tibi seris, tibi item metis* «для себя ты боронишь, для себя сеешь и для себя самого *жнешь*» (в метафорическом значении *трудиться ради собственной пользы*).

Если считать значение ‘снимать урожай’, ‘жать’ основным для глагола *meto*, тогда его второе значение ‘отрезать, срезать’ следует рассматривать как производное, выходящее за рамки терминологического употребления исключительно в сфере земледелия, хотя исторически скорее всего картина была обратной: более общее значение *срезать* специализировалось в более узкое *жать*. В этом втором значении *meto* часто встречается у поэтов в самых разнообразных контекстах: Ovid. Fast. 2. 706 *Tarquinius...virga lilia summa metit* «Тарквиний сбивает палкой головки лилий»; Mart. 7. 95. 12 *barba, qualem forficibus metit supinis tonsor* «борода, которую цирюльник стрижет загнутыми ножницами». Речь может идти о животных, срывающих на корм верхушки растений: Ovid. Am. 3. 10. 40 *in silva farra metebat aper* «кабан в лесу срывал злаки». Именно это значение позволяет поэтам использовать *meto* в чисто метафорическом смысле ‘скашивать, рубить (оружием в битве)’: Verg. Aen. 10. 513 *proxima quaeque metit gladio* «все, что поблизости, косит мечом»; Hor. Carm. 4. 14. 31 *Primosque et extremos metendo / Stravit humum* «рубя (мечом) и первых и последних, он устал землю (телами врагов)».

Для обозначения глагольного действия (*nomen actionis*) чаще всего употреблялось сущ. *messis, is f* ‘уборка урожая, жатва’, отмеченное уже у Катона в главе, где речь идет о ритуале, предшествующем жатве: Cato Agr. 134 *Priusquam messim facies, porcam praecidaneam hoc modo fieri oportet* «Перед *жатвой* следует предварительно принести в жертву свинью таким образом»; Var. R. R. 1. 27 *Aetate fieri messes oportere* «летом надлежит убирать урожай». Сущ. *messis* привлекло внимание Варрона как грамматика, и в гл. 50-й своего сочинения о сельском хозяйстве он дает не одно, а два толкования этого слова, дополняя свои объяснения описанием разных способов жатвы на территории Италии.

Подобно *sementis, messis* как обозначение ежегодно совершаемой в определенное время сельскохозяйственной работы могло употребляться в значении обстоятельства времени – *per messem* «во время жатвы», то есть летом: *Messis* метонимически могло употребляться в значении ‘созревшее зерно (на корню или уже сжатое)’, ‘урожай’.

Один из советов Варрона рачительному хозяину (Var. R. R. 1. 13) – возведение постройки (nubilarium), под крышей которой он сможет разместить *урожай* (subicere messes) со всего поместья. Обычно метонимическое употребление *messis* свойственно поэтам. Зафиксированы и другие именные образования от *meto*: для обозначения жатвы – *messio, onis* f (словообразовательный аналог *satio*), *messura, ae* f ‘разрез, срез, урожай’, *Messia*, имя богини жатвы, урожая; для имени деятеля – *messor, oris* m ‘жнец; прил. *messorius* ‘жатвенный, уборочный’ (по типу *satorius*). Это прилагательное уточняло назначение уборочного инструмента, серпа – *falx messoria*, поскольку словом *falx, cis* f обозначали самые различные режущие орудия для сельскохозяйственных работ. Серпы для жатвы были весьма разнообразны по форме, на что указывало уточняющее прилагательное, но *falx* в значении ‘серп’ могло употребляться самостоятельно. Серп был символом земледелия, ассоциировавшимся с Приапом, богом садов, полей и плодородия. *Falx* представлял собой по форме режущий инструмент с кривым, загнутым лезвием, находивший себе применение и как боевое оружие трёх видов. Однако первичным значением *falx* очевидно следует считать ‘коса’, ‘серп’. Известны и уменьшительные формы этого слова: *falcula, falcicula*. Сближение с *falx* поздно засвидетельствованного названия сокола – *falco, onis* m как птицы, имеющей загнутые когти, скорее всего является «народной» этимологией. Следует отметить производное образование *falcarius, i* m ‘кузнец, делающий серпы и косы’. Этимология *falx* остается спорной. По мнению Эрну и Мейе по способу образования *falx* входило в группу существительных неясного происхождения, таких, как *arx, calx, merx*, и, по-видимому, не было производным; «во всяком случае, слово имеет неиндоевропейский вид, что не удивительно для названия инструмента», – заключают авторы этимологического словаря (ЕМ: 214). Гамкрелидзе и Иванов приводят две основы для обозначения серпа: 1) основа *serp^[h]-, представленная в хеттском, греческом, осетинском, славянских и балтийских языках; для сравнения приводятся лат. *sarpo* ‘режу’, др.-в.-н. *sarf* ‘острый, грубый’. В древнеиндийском основа *serp^[h] в значении ‘серп’ заменяется производной от другой основы: др.-инд. *datram* ‘серп’; 2) основа *k^[h]erp^[h]-; эта индоевропейская основа характеризуется большей диалектной ограниченностью (греко-кельто-германо-балтийская) и поэтому не может считаться общеиндоевропейской (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 692). Лат. *falx* остается за пределами обеих групп.

В отличие от глагола *sero*, отличавшегося наличием большого числа производных (14), образованных путем присоединения префиксов с различными пространственно-временными значениями, производных как старых, так и более новых, возникающих по мере развития латинского языка, глагол *meto* имеет в сущности всего два префиксальных образования. *Dēmeto, messui, messum, ere* по своей семантике ничем не отличается от простого глагола. В значении ‘жать, убирать, снимать урожай’ *dēmeto* засвидетельствован уже у Катона: Cato hist. 57 ubi hor-

deum *dēmessuit* «когда он убрал (сжал) ячмень»; префикс *de-* в данном контексте очевидно придает глаголу интенсифицирующий оттенок завершенности действия. Значение ‘косить’, свойственное простому глаголу *meto*, сохраняется и в префиксальном: Col. R. R. 2. 18. 1 *Fenum autem dēmetitur optime ante quam inarescat* «Лучше всего *скопить* сено до того, как оно высохнет». В этом отрывке префикс *de-* в глаголе скорее всего имеет комплексное значение, сочетая оттенок отделения, свойственный предлогу *de*, с завершенностью действия: скосить сено, то есть срезать траву, очистить от нее землю. Перфектное причастие *dēmessus* у разных авторов неоднократно встречается в составе конструкции *ablativus absolutus*: *dēmesso frumento* «убрав пшеницу», *dēmessis segetibus* «убрав посевы (сняв урожай)»; префикс *de-* в причастии перфекта также подчеркивает факт завершенности действия глагола. Объектом уборки могут быть не только зерновые, которые жнут, но и плоды, овощи, фрукты, цветы и даже мёд. В сфере животноводства *dēmeto* можно встретить, когда речь идет о стрижке овец. Метафорическое употребление в военной сфере характерно для *dēmeto* в значении ‘срезать, отрубать’ так же, как и для простого глагола *meto*, напр. *ferro caput dēmetere* (Sen. Ag. 987) «срубить голову мечом». Имя деятеля *dēmessor, oris m* ‘жнец, косарь’ засвидетельствовано только в *Carmina epigraphica*; *dēmessio, onis f* – редкая форма.

В целом исследование исходного глагола *meto* и префиксального *dēmeto* показало полное совпадение основных лексических значений этих образований как в прямом, так и в переносном употреблении. Отличие между ними лежит скорее в области грамматики. В производном глаголе префикс *de-*, с одной стороны, сохраняя значение предлога *de*, сигнализирует об отделении какого-то объекта, его устранении, с другой стороны, придает глаголу дополнительный оттенок завершенности действия, доведения его до конца.

Наличие префиксального *dēmeto, -ere* ‘сжать, скосить полностью’ можно проиллюстрировать единственным достоверным примером из поэтического текста (Hor. Epist. 1. 6. 21), где употребление этой формы могло быть вызвано метрическими потребностями.

Возникает вопрос, почему столь сильно различается количество префиксальных, образованных от глагола *sero*, для которого характерна полипрефиксация (14), и *meto* (2). Оба эти переходных глагола входят в один лексико-семантический класс (земледельческая лексика), оба имеют эволютивный характер, обозначая длительное действие, действующие как процесс. Тем не менее дополнительные уточнения, сообразимые различными префиксами глаголу *sero*, главным образом пространственные, отчасти временные, совершенно отсутствуют у *meto* и, напротив, префиксы *de-* и *e-(ex-)* практически не сочетаются с *sero*. Сев, сеяние зерновых, посадка плодовых деревьев и жатва, уборка, сбор урожая образуют по сути дела единый сельскохозяйственный процесс: сев – его начало, жатва – его завершение, финал, венчающий дело. Однако именно нахождение этих действий на *противоположных*

полюсах единого трудового процесса и нашло отражение в языковой практике: заключенные в префиксах пространственно-временные характеристики, придаваемые глаголу *sero* ('сеять в, перед, у, возле, между, вокруг, под; прежде, ранее, снова' и т. д.), для значения *meto* все были несущественны. Языковыми средствами необходимо было лишь подчеркнуть факт окончания процесса полевых, садовых и прочих сельскохозяйственных работ: эту функцию и выполнял глагол *dēmeto*, где наличие префикса, как и в аналогичных сочетаниях с некоторыми другими глаголами, напр. *decerpo* 'сорвать' (при *carpo* 'рвать, срывать'), *deculco* 'растоптать' (при *calco* 'топтать'), *delacero* 'растерзать' (при *lacero* 'терзать') и др., указывало на то, что действие доводится до конца, реализуется полностью. Поскольку префиксальный *dēmeto* сохранил круг значений, свойственный исходному *meto*, и не развил новых собственных значений, можно заключить, что префикс *de-* в *dēmeto* выполняет роль перфективирующего показателя.

Таким образом, изучение материала первых пяти разделов центральной главы исследования, посвященных циклу главных земледельческих работ в древней Италии, показало не только наличие прочной индоевропейской базы в наименованиях основных терминов земледелия (*пахать, сеять, жать* и их производные), но также развитие на этой базе собственно латинской системы обозначения понятий, необходимых в данной отрасли сельского хозяйства.

В семантическое поле, составляющие которого используются в латинском языке для обозначения столь важного в сфере сельского хозяйства понятия как *уборка, сбор урожая* (зерновых, трав, плодов, овощей и т.п.), помимо ключевого слова *meto*, входят глаголы *seco*, *caedo*, *carpo*, *sarpo* и некоторые другие. Сопоставление корпуса смыслов, выражаемых в целом перечисленными глаголами, в первую очередь парой *meto* – *seco*, позволит выявить как линии пересечения значений, так и семантические особенности каждого члена этой пары, их сходство и различие в сфере конкретных и переносных значений. Словарная статья *seco, ui, tum, āre* включает 6 значений, из них главное – разрезать, рассекать что-либо ножом (или другим острым предметом), резать. Из этого толкования можно заключить, что *seco* является переходным глаголом, обозначающим совершаемое над объектом действие с помощью определенного вспомогательного предмета. Однако просмотр приведенных в Оксфордском словаре примеров показывает, что указание на инструмент действия имеется при этом глаголе далеко не всегда, поэтому *seco* скорее следует отнести к группе глаголов с включенным в его семантику инструментом действия. При подобных глаголах обозначение инструмента является факультативным, и для предложений с ними типично скорее его отсутствие, чем наличие. Отсутствие в агрономических сочинениях названия рабочего инструмента для уборки каких-либо культур объясняется, очевидно, тем, что привычное для сельского труженика действие выполняется преимущественно с помощью известного предмета – специального

ножа, серпа. Режущим инструментом мог быть и лемех плуга. Значительно чаще глагол *seco* встречается в контекстах иного рода, когда речь идет о кровавых действиях, совершаемых с помощью оружия, название которого обычно сообщается, – ножа (*novacula*), меча (*gladium, ferrum, ensis*) (значение 1b OLD). Особенно интересен пример из описания сражения в «Фиваиде» Статия, где в одном контексте сталкиваются глаголы *meto* и *seco*: Stat. Theb. 7. 713 *comminus hunc stantem metit, hunc a poplite sectum...* «одного, стоящего вблизи, он рубит, другого, с подрезанными поджилками...». Оба глагола выполняют в данном отрывке одинаковую функцию, обозначая действие *резать (одним и тем же) острым оружием*, однако с точки зрения семантики *meto* и *seco* не выступают здесь как полноценные синонимы: *seco* имеет прямое значение ‘резать, подрезать’, *meto* – переносное, метафорическое ‘рубить, косить в битве’, поскольку для *meto* в качестве основного закрепилось значение ‘жать, косить’. Таким образом, в приведенном отрывке обнаруживается первый пример проявления семантического своеобразия этих глаголов, входящих в единое семантическое поле. Другие значения *seco* характеризуются различными дополнительными, уточняющими оттенками при сохранении основного смысла: ‘резать – на части, на куски, ломти, крошить’, ‘отрезать порцию, часть, кусок чего-либо’; чаще всего эти оттенки лексически никак не выражены, и только контекст свидетельствует об их наличии. Составители Оксфордского словаря значение ‘косить (хлеба, травы), срезать выращенный в поле продукт’ расценивают всего лишь как оттенок (3b) значения ‘отрезать часть от чего-либо’, хотя правильнее было бы его выделить как специальный технический термин земледелия и полеводства. Примеры этого употребления *seco* весьма многочисленны: Cato Agr. 54. 3 *manibus carpito (ocinum)... quod falcula¹³ secaveris, non renascetur* «кормовую смесь рви руками ...; что срежешь серпом (abl. instrumenti), то не вырастет вновь». Овощи составляли немалую часть рациона римлян, и их выращиванию и сбору (лука, бобов, гороха и прочих стручковых) уделялось немало внимания. Когда речь шла об уборке зерновых, *seco*, выступая синонимом *meto*, имел значение

¹³ Помимо уменьшительного *falcula, ae f* ‘серп’ имелось аналогичное образование *secula, ae f* ‘серп’, употреблявшееся в Кампании (Var. L. L. 5. 137). Всё же для значения *косить* более употребителен глагол *secare*: Cato Agr. 53. 1 *Fenum, ubi tempus erit, secato, cavetoque ne sero seces*. Priusquam semen maturum siet, *secato*. «Когда придет время, коси сено (fenum), смотри, не опаздывай с косью. Коси, пока травы не дали семена»; с обозначением инструмента действия: Var. R. R. 1. 49. 1 *herba ... subsecari falcibus debet* «траву должно срезать косами». Явное противопоставление *secare* ‘косить’ (о травах) и *metere* ‘жать’ (о зерновых) можно видеть у Колумеллы: Col. R. R. 11. 2 *etiam viciam in pabulum secare oportet, priusquam siliquae eius durentur; hordeum metere* «необходимо также выкашивать на фураж, прежде чем ее стручки затвердеют; жать ячмень». Соответственно имелись особые названия для косьбы сена (*fenisicia*) и косаря (*fenisex, feniseca*); во второй части этих композитов имеем корень *sec-* ‘резать’.

‘жать’: Var. R. R. 1. 50 (manipulos) ...de singulos *secant* inter spicas et stramentum «(снопы) ... один за другим нарезают, отделяя колосья от соломы»; именно здесь находится одна из точек пересечения общих значений глаголов *metere* и *secare*. Глаголом *seco* обозначали также различные действия, в результате которых на одушевленном объекте возникали глубокие порезы или раны; это могло быть хирургическое вмешательство, вскрытие или удаление органов: в этом случае *seco* следует рассматривать как медицинский термин со значением ‘ампутировать, оперировать’.

Семантика этого глагола предоставляла широкие возможности для развития метафорических значений. Отметим лишь некоторые семантические переходы. Наиболее ожидаемым и легко предсказуемым в силу своей языковой универсальности является переносное результативное значение *решать какую-либо проблему*, возникшее по сходству с моделью, свойственной основному физическому значению ‘разрезать что-либо (например, узел) ножом или другим острым орудием’: Hor. Serm. 1. 10. 15 *ridiculum acri / fortius et melius magnas plerumque secat res* «смехом обычно быстрее и лучше, чем острым (оружием), большие дела решаются».

По сходству с действием *наносить глубокую рану, порез у seco* возникло переносное значение «бить плетью, розгами, сечь бичами», то есть ‘наказывать’. Несомненно метафорическим является значение *seco* в словосочетании *боль режет* (*боль* – это следствие резания, а в данном контексте она выступает как субъект действия). Возникло также абстрактное значение *подразделять(ся)*, необходимое при разного рода классификациях – вещей, предметов и т. п.; подобное употребление *seco* как результат метафорического переосмысления неоднократно встречается в речах Цицерона, у Квинтилиана, Сенеки и др. Ограничимся самым кратким примером: Sen. Ep. 58. 14 *animalia in quas species seco?* «на какие виды *разделяю* я животных?».

Семантическая универсалия, свойственная в том числе многим современным языкам, прослеживается в таких переносных значениях глагола *seco*, как *пересекать, рассекать воду, воздух, толпу, прокладывать путь через пространство*: Ovid. Met. 7. 1 *fretum... puppe secabant* «кормою пролив они *рассекали*». Возможно, такое употребление было свойственно первоначально поэтам, мыслящим художественными образами, но со временем и по мере повторения образ потускнел и закрепился в обыденной речи как стёртая метафора. Поэтическая образность очевидно ещё сохраняется в выражении *рассекать землю*, т. е. *пахать*.

Сравнение корпуса прямых и переносных значений глаголов *meto* и *seco* приводит к вполне определенному выводу. Точек пересечения в семантике этих лексем обнаруживается немного, но они более всего важны для темы исследования: это конкретное значение *убирать урожай, косить, жать*, характерное для сферы сельского хозяйства, затем – значение *срезать, отрезать*, встречающееся у обоих глаголов

в самых разнообразных контекстах (в том числе опять же как терминологическое, сугубо сельскохозяйственное), и значение *скашивать*, *рубить* (мечом и т.п.) – в военной сфере. Далее, если сфера абстрактных значений глагола *seco* довольно широка, то глаголу *meto* свойственны, в сущности, лишь метафорические пересмысления, не ведущие к возникновению абстрактных значений. *Meto* остается по преимуществу сельскохозяйственным термином, используемым (часто совместно с *sero* ‘сеять’) в качестве базового элемента при создании немалого числа выражений пословичного типа; глаголу *seco* эта функция совершенно не свойственна.

В сочетании с *seco* наиболее обычными являются производные с префиксами *sub-* и *de-*: *sub-seco* ‘подрезать, обрезать’, *de-seco* ‘срезать, отрезать’, употребляющиеся, например, параллельно с *meto* в 50-й главе 1-й книги Варрона, где рассказывается о трёх способах жатвы в разных областях Италии. *Circum-seco* ‘обрезать кругом’ отличается от предыдущих *deseco* и *subseco* тем, что его префикс *circum-* сохраняется в латинском не только как предлог, но и как наречие ‘вокруг’: Cato Agr. 114. 1 (о лозах) *earum radices circumsecato et purgato* «корни кругом у них обрежь и обчисти». Отмечен также префиксальный *re-seco*, по своим основным значениям ‘подрезать, подстригать (о деревьях и т. п.)’ близкий как простому глаголу *seco*, так и рассмотренным производным (первая фиксация – в «Земледелии» Катона). В знаменитой оде Горация «К Левконое» глагол *resecet* ‘отрезать’ употреблен в метафорическом значении: Hor. Carm. 1. 11. 7 *vina liques et spatio brevi / spem longam resecet* «вина цеди, Долгой надежды нить Кратким сроком урежь» (пер. С. Шервинского).

В особом разделе рассмотрены и несколько обозначений *борозды* – важного не только земледельческого, но и культового термина, поскольку в древней Италии существовал обычай отмечать местоположение города, его границы проведённой плугом бороздой. Прежде всего, установлены семантические сходства и различия между основными названиями борозд – *sulcus*, *porca*, *lira*, рассмотрены их производные образования, возникшие переносные значения и этимология терминов. Происхождение *porca* вызывало интерес грамматиков уже в античности, но все предложенные ими версии объяснения этого слова являются «народными» этимологиями. Подверглись детальному анализу и другие компоненты синонимического ряда обозначений борозды – *area*, *versus*, *pulvinus*.

Следующий раздел главы посвящён рассмотрению принятых в разных областях Италии *земельных мер*, перечень которых имеется в 1-й книге трактата Варрона (Var. R. R. 1. 10 *iugum, versus, iugerum, actus quadratus, scripulum, heredium, saltus, centuria*; в предыдущей 9-й главе Варрон даёт три толкования слова *terra* ‘земля’). В данном разделе ставится задача соотнести понимание Варроном каждого из перечисленных терминов с его собственной теорией о четырёх ступенях (*gradus*) этимологического объяснения слов (*explanatio*), данной в со-

хранившейся 5-й книге трактата De lingua Latina. Приведённые Варроном этимологии в основном, как он считает, остаются на третьем уровне объяснения, которого достигла только философия: это те многочисленные слова обиходного языка, которые «изменяются» (*declinantur*), то есть образуются от первичных слов (*verba primigenia*), созданных ономастом, их творцом, раскрыть замысел которого необычайно трудно. Просмотр довольно специфического языкового материала – наименований *земельных мер* в сельскохозяйственном трактате Варрона с наглядностью показал, с какими трудностями пришлось бы столкнуться автору, если бы он поставил своей задачей действительно объяснить происхождение, то есть дать этимологию каждого из упомянутых им терминов и, таким образом, подняться до четвёртой ступени. Отдавая себе отчет в том, что этимологии далеко не всех слов могут быть выяснены (Var. L. L. VII, 4), поскольку он не располагает для этого необходимыми данными, Варрон ограничивается иногда весьма лаконичными высказываниями о *значении* слов; по крайней мере при рассмотрении наименований *земельных мер* никаких фантастических этимологий он не предлагает, и поэтому его усилия проникнуть в тайну происхождения этого рода терминов, сложившихся в определенную систему измерения, несмотря на «ненаучность», примитивность метода исследования, заслуживают внимания и изучения. Обращение к достижениям современной этимологии свидетельствует, к сожалению, о том, что по прошествии веков, в течение которых трудились многие поколения ученых, и даже с помощью сравнительно-исторического метода изучения языков, далеко не каждый из рассмотренных терминов получил адекватное объяснение.

Следующий раздел, по тематике тесно примыкающий к предыдущему, посвящён терминам землевладения *fundus*, *praedium*, *villa*. Исследование показало, что слово *fundus* в ходе длительной истории (его основа отмечена в ряде индоевропейских языков) претерпело ряд семантических изменений: от исходного значения ‘земля как низ’ к ‘земля как почва’, затем ‘земельный участок, надел, имение’; последнее значение в определённой мере является уже юридическим термином, подразумевающим чьё-либо право на владение земельным участком и всем, что на нём находится. Слово *praedium*, по-видимому, имело ход семантического развития обратный тому, что мы наблюдаем у *fundus*: возникшее как термин латинского права со значением ‘залог, состоящий в земле, данный поручителем в сделке между другой частной стороной и государством’, *praedium* со временем стало употребляться в обыденной жизни в значении ‘поместье’, наравне с *fundus*, не утратив формальной и смысловой связи с производящим словом *praes*, *praedis* ‘поручитель, гарант’. Таким образом, лингвистические данные ясно указывают на противопоставленность терминов *fundus* и *praedium* с точки зрения их происхождения и на постепенное нивелирование этого противопоставления впоследствии. Возникшее в императорскую эпоху новообразование *latifundium* (от *latus* ‘широкий’ + корень

fund- + суф.-io-) как нельзя более точно отражало процесс распространения в Италии крупных земельных владений. Словом *villa* обозначались, как правило, постройки на территории поместья, однако в расширительном значении этим словом могли обозначать имение в целом.

Историю земледелия у каждого народа наилучшим образом отражают названия сельскохозяйственных культур, в первую очередь злаковых растений. В связи с этим отдельно рассмотрен высокочастотный термин *frumentum*, обозначающий все зерновые с колосом. *Frumentum* ‘зерно, хлеба на корню’ был семантически более узким термином по сравнению с родственными по происхождению словами *fruges* и *fructus*, которыми обозначали самые разные ‘продукты земли’. Этимологи устанавливают также связь этих названий продуктов земли с глаголом *fruor* ‘наслаждаться чем-либо’, подчёркивая общеиталийский характер указанных образований и находя им формальные и семантические соответствия в германских языках. В статье сделана попытка установить семантическую связь сущ. *frumen, inis* n, имеющего омонимичные значения – 1. глотка 2. жертвенная каша, – с группой *fruor, fruges, frumentum*, а также установить первоначальное значение *fruor* – ‘есть, питаться, кормиться’ > ‘наслаждаться (плодом) чего-либо’ > ‘пользоваться, получать доход, прибыль’. Как доказательство возможности такого решения проблемы привлечены факты индоиранских языков, где *yava-* ‘хлебный злак, зерно’ связано с корнем *yav-* ‘есть, жевать’,¹⁴ и типологическая параллель из тюркских языков¹⁵, где от глагола *yé-* ‘есть, кушать’ имеется древнее отглагольное образование **jemiš* ‘плоды, фрукты’, букв. ‘съедобное’ (-*miš* – непродуктивный аффикс со значением объекта действия). Предложенная интерпретация группы родственных латинских образований от *fruor* позволяет переместить их на уровень *basic vocabulary* и, в соответствии с классификацией Клосона-Дёрфера, включить глагол *fruor* в основной диагностирующий список (№ 87 *есть, кушать*), *frumentum* – в дополнительный список – Д 12 *плод, фрукт*.

Ещё один раздел главы «Земледельческая лексика», содержание которого имеет непосредственное отношение также и к растительной терминологии, посвящён этимологическому анализу названий *колоса* и его частей. Выбор темы обусловлен наличием в 1-й книге о земледелии Варрона специальной главы (Var. R. R. 1. 48), в которой он даёт описание колоса зерновых (*spica*), состоящего из нескольких частей (*culmus* ‘стебель зерновых’, *granum* ‘зерно’, *gluma* ‘шелуха’, *arista* ‘ость’; *vagina* ‘оболочка’; *frit* ‘верхняя часть колоса’ и *urruncum* ‘нижняя часть колоса’), снабжая название каждого термина собственной

¹⁴ Стеблин-Каменский И. М. Очерки по истории лексики памирских языков (названия культурных растений). М.: Наука. 1982. С. 26.

¹⁵ Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М.: Наука. 1966. С. 349.

этимологией там, где ему это по силам, и обходя молчанием то, что представляет непреодолимую трудность для объяснения. Эта глава о *колосе* может служить образцом, демонстрирующим одновременно и метод изложения ученым-«натуралистом» определенной темы, и стилистические приемы Варрона-писателя, нередко использующего образные сравнения при объяснении значения слова, и его подход к этимологическому анализу латинских слов. Предлагаемые Варроном этимологии по большей части относятся к числу «народных» (*spica* ‘колос’ от *spes* ‘надежда’, *arista* ‘ость’ от *aresco* ‘сохнуть’, *granum* ‘зерно’ от *gero* ‘нести, приносить’ и т. д.). Единственный случай, когда Варрону удалось правильно указать «первичное» слово, от которого образовано производное, это связать *gluma* ‘шелуха’ с глаголом *glūbo* ‘снимать кожицу, обдирать, лупить’ (III ступень по его этимологической теории). Наша задача состояла в установлении подлинной этимологии наименований *колоса* и его частей, насколько это позволяет состояние современной этимологической науки, дать оценку имеющимся версиям или предложить новую гипотезу о происхождении того или иного термина. Картина происхождения латинских названий *колоса* и его частей оказалась далеко не простой и неоднородной. Более или менее уверенно можно отнести к общеиндоевропейскому состоянию обозначение *стебля* (или *соломы*) зерновых – лат. *culmus*. Важное в культурно-историческом отношении обозначение *зерна* (лат. *grānum*) с этимологической точки зрения представляет собой спорный случай: по мнению одних лингвистов, не принимающих во внимание родство *granum* с др.-инд. *jīrnāh* ‘ветхий, старый, дряхлый’ (Мейе, Майрхофер, Гамкрелидзе – Иванов), *grānum* – это диалектно ограниченное новообразование западного ареала индоевропейских языков, по мнению других (Фасмер, Вальде – Хофман и, по-видимому, Откупщиков¹⁶), др.-инд. форма *jīrnah* не может быть отделена от лат. *grānum*. Соответствия лат. глаголу *glūbo*, от которого образовано *glūma* ‘оболочка зерна’, находятся лишь в отдельных индоевропейских языках (греч., тох., герм., др.-прус.), но образование на *-ma* от этого глагола как *terminus technicus* отмечено только в латинском. Не все индоевропейские языки различают лексически *колос* и *ость*, как это имеет место в латинском согласно сообщению Варрона, который оба слова – *spīca* ‘колос’ и *arista* ‘ость’ – объяснял, исходя из доступных ему средств родного языка. Но *arista*, судя по непродуктивности словообразовательной модели, вряд ли было исконно латинским, скорее всего, оно было заимствовано и, возможно, первоначально со значением *колос*, конкурируя какое-то время с явно латинским образованием *spīca*; постепенно происходил процесс дифференциации значений, и за *spīca* закрепилось более общее значение ‘колос’ (во всяком случае, в языке сельского населения), за *arista* – ‘ость’; тем не менее нередко *arista* метонимически употреблялось для обозначения *колоса* взамен *spīca*, особенно в

¹⁶ Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб., 2001. С. 93.

поэзии. *Spīca* – этимологически ‘острий’ – только в латинском языке было использовано для обозначения *колоса*; в других индоевропейских языках созданные от этого корня образования служили для наименования острых предметов различного назначения. Высказаны некоторые предположения об источниках появления в латинском необычных по форме слов *frit* (звукоподражательная основа) и *irru(ncum)*, как и о возможном заимствовании *vagīna*. Таким образом, небольшой набор лексем, обозначающих в латинском языке *колос* и его части, с точки зрения происхождения представляет собой пёструю картину, где наряду с несомненно индоевропейскими образованиями отмечены и слова, почерпнутые из местных языков Италии и из других источников.

Приложением к главе «Земледельческая лексика» является раздел «Особенности синтаксического строя ранней латинской прозы (на материале трактата “De agri cultura” Катона)» (статья 1982 г.). Основное внимание в данном разделе сосредоточено на избыточном разном рода архаизмами языке этого трактата как раннего литературного памятника латинской прозы, создание которого относится к началу II в. до н. э. Разнообразная тематика, затронутая Катонем в его сочинении, была обусловлена сочетанием в жизни загородного хозяйства множества различных работ, сменяющихся в зависимости от времени года. Для темы этого раздела показалось логичным и важным рассмотреть особенности синтаксических структур в трёх условно выделенных нами слоях текста:

а) сакральный слой, представленный несколькими молитвами, обращенными к разным божествам в связи с производением определенных сезонных работ (сев, жатва и др.), и описанием обряда;

б) юридический слой, где речь идёт о заключении контрактов между хозяином имения и подрядчиками;

в) хозяйственный слой.

Текст молитв насыщен ритуальной, архаической лексикой. Отдельные архаизмы отмечаются и в области морфологии. Синтаксис сложного предложения находится на той стадии, когда паратаксис еще преобладает над гипотаксисом, хотя уже заметны определенные усилия организовать сложное предложение таким образом, чтобы в нем выделялись главная и зависящие от нее части. Так, вполне отчетливо прослеживаются в молитвах придаточное дополнительное и придаточное причины. Однако способы скрепления сложного предложения в единое целое еще очень несовершенны. В отдельных случаях в роли скреп по существу выступают наречия, еще не ставшие полноценными подчинительными союзами. Набор таких наречий-союзов крайне ограничен (*utī, quod*), а значения их весьма разнообразны. Что касается синтаксиса словосочетаний, то отмечен бессоюзный способ соединения однородных членов предложения. Архаизирующим моментом является употребление *figura etymologica*. Аллитерация – древнейший стилистический прием, который также наблюдается в молитвах. Об

архаичности текста свидетельствует и выражение определительных отношений с помощью аппозиции (вместо *жертвоприношение свиньи – свинья-жертва*). Однако, несмотря на разного рода архаизмы, текст молитв в «*De agri cultura*» Катона вполне понятен, в отличие, например, от гимна арвальских братьев, который выражен таким древним языком, что восприятие его было недоступно уже самим римлянам¹⁷.

Переходя к синтаксическим особенностям описаний религиозных обрядов, прежде всего необходимо отметить своеобразную структуру сложного предложения у Катона, где можно встретить как чистый паратаксис, так и смешанный тип, который нельзя считать подлинным гипотаксисом, во-первых, по той причине, что нет четких границ между составными частями сложного предложения, главное и придаточное как бы взаимно пронизывают друг друга. Другой причиной может быть отсутствие подчинительного союза. Чистый гипотаксис в *сакральном слое* – редкий случай, причем строй сложноподчиненного предложения элементарно прост: придаточное + главное.

Составление законов и разного рода правовых документов предьявляет особые, повышенные требования к способу их изложения. Здесь не должно быть места неточностям, неясностям, в то же время не должно быть ничего упущено как в главном, так и в деталях. Однако язык, находящийся в начальном периоде своего письменного развития, явно еще не был способен выразить все нюансы и тонкости юридической стороны дела. Поэтому результаты рассмотрения синтаксического строя двух указанных тематических слоев оказались во многом сходными, если отбросить те особенности, которые накладывает на стиль документов их содержание, например преобладание условных предложений в юридических текстах. Общими чертами являются, с одной стороны, чрезмерная краткость, сжатость выражения, недосказанности разного рода, с другой стороны – ненужные повторения, излишние уточнения, по сути дела никак не развивающие уже высказанную мысль.

Наибольшее сходство наблюдается в структуре сложного предложения, где наряду с чисто паратактическим соединением отдельных предложений отмечаются и элементы правильного гипотаксиса.

Изучение синтаксического строя ранней латинской прозы непосредственно на материале указаний и советов по сельскому хозяйству самого Катона дало, как нам кажется, наиболее полное представление об особенностях, характеризующих латинский синтаксис в период его становления. В этом разделе получили свое подтверждение черты, отмеченные в синтаксисе двух предыдущих слоев, но к ним добавились и новые явления, которые могли отсутствовать в силу небольшого объема сакральных и юридических текстов. Кроме того, обнаружение дополнительных черт в хозяйственном слое связано и с разговорной

¹⁷ *Арвальские братья* – жреческая коллегия, одно из древнейших религиозных учреждений в Риме. Ритуал арвальских братьев носил аграрный характер.

струей, являющейся, наряду с архаическим началом, непременным компонентом складывающегося латинского синтаксиса. Разграничить эти два начала в области синтаксиса довольно трудно. Поэтому в качестве самых общих синтактико-стилистических особенностей, прослеживаемых в первом прозаическом латинском памятнике, следует указать на излишнее многословие, необоснованные, ненужные повторения, с одной стороны, и чрезмерную краткость, неразвернутость, неполноту высказывания – с другой. В сфере структуры предложения отмечается наличие большого числа паратактических соединений наряду с конструкциями промежуточного, смешанного типа, где зарождающийся гипотаксис еще не имеет всех тех формальных черт, которые будут присущи ему в классическое время. Большая свобода наблюдается в размещении придаточных предложений определенного типа вокруг главного. Внутри предложения порядок слов не регулируется какими-либо твердыми правилами. Следствием такой свободы в построении предложения являются разного вида дизъюнкции, анаколуфы, антиципация.

Третья глава исследования отражает результаты изучения **латинской ботанической лексики**, предпринятого прежде всего с целью выявления и установления степени сохранности индоевропейского наследия в этом весьма обширном тематическом классе латинского словарного фонда. Основой для исследования послужили книга Ж. Андре, представляющая собой по существу Словарь ботанической номенклатуры (названия растений) и терминологии (названия частей, правильное – органов растений), а также очерк А. Эрну «Латинский ботанический словарь»¹⁸, автор которого, тщательно изучив материал названной книги Ж. Андре, предложил классификацию этого материала по четырём основным группам. Необычность предложенной Эрну классификации состоит в том, что в её основу положены различные критерии. Первые две группы ботанических терминов сформированы по *генетическому* принципу: в *одну* небольшую по объёму группу, куда входят в том числе около 20-ти названий деревьев, включены слова, для которых можно предполагать индоевропейское происхождение. *Другая группа*, значительно превосходящая первую по объёму, состоит из так называемых изолированных слов, не имеющих соответствий в других индоевропейских языках; многие из слов этой группы, очевидно, являются заимствованиями из разных неизвестных источников, в том числе из тех языков, на которых говорило местное население Италии до вторжения латинян. К их числу относятся и самые общие по значению ботанические термины, такие как *herba* ‘трава’, *bāca* ‘ягода’, *arbor* ‘дерево’, *silva* ‘лес’. Источник появления в латинском слов *четвертой* группы (о третьей см. ниже) не вызывает сомнения – это преимущественно греческие заимствования. Вполне естест-

¹⁸ André J. *Lexique des termes de botanique en latin*. Paris, 1956; Ernout A. *Le vocabulaire botanique latin*. Paris, 1965.

венно, что среди них могли быть термины и индоевропейские по происхождению, и неиндоевропейские, но Эрну при рассмотрении этой группы слов генетической стороны не касается. При формировании *третьей* группы Эрну берет за основу **морфологический** критерий, отбирая только те латинские фитонимы, которые образованы от какого-либо известного именного или глагольного корня, при условии, что этимология производного слова должна содержать указание на реальный или предполагаемый характерный признак, свойственный растению или его части (например, *salvia*, *ae f* 'шалфей', благодаря целебным свойствам этого растения, связывают с прил. *salvus* 'здоровый, целый, невредимый'). Эта *третья* группа ботанических терминов количественно превосходит все прочие группы, поэтому её материал разбит на подгруппы в соответствии с многочисленными словообразующими суффиксами. Произвести генетический анализ всех составляющих *третьей* группы было бы весьма затруднительно, но Эрну и не ставил перед собой такой задачи; это не входило и в планы нашего исследования. В любом случае его классификация латинских ботанических терминов, хотя и не является исчерпывающей, безусловно полезна, поскольку дает возможность проводить дальнейшие исследования в одной из специальных областей латинской лексики.

Наше внимание было сосредоточено на рассмотрении *первой* группы ботанических наименований (по классификации Эрну), имеющих индоевропейское происхождение.

Значительную долю в этой группе составляют названия деревьев – *дуба* (*quercus*), *клена* (*acer, opulus*), *бука* (*fagus*), *ольхи* (*alnus, verna*), *сосны* (*pinus*), *вяза* (*ulmus*), *ясеня* (*ornus, farnus, fraxinus*), *орехового дерева* (*coquulus*) и некоторых других, хотя самый общий термин – *дерево* здесь отсутствует: лат. *arbōs* (> *arbor, oris f*) находится в *второй* группе терминов, об этимологии которых нельзя судить с полной определенностью. Общеиндоевропейское слово со значением *дерево* итальянской ветвью языков было утрачено. Приводя латинские названия деревьев в алфавитном порядке, Эрну сопровождает каждое название наиболее достоверными с его точки зрения соответствиями из других индоевропейских языков. Поскольку в труде Гамкрелидзе и Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» обширный раздел посвящен названиям растений (Ч. 2, С. 612–664) и прежде всего деревьев (С. 612–647), было решено сопоставить список Эрну и названное исследование, чтобы выяснить, во-первых, какова роль латинского материала в реконструкции древнего индоевропейского растительного мира, и, во-вторых, выявить особенности итальянской системы обозначений деревьев. Необходимо упомянуть о книге П. Фридриха «Протоиндоевропейские названия деревьев» (Friedrich 1970), материал которой в значительной мере был использован Гамкрелидзе и Ивановым. В списке литературы, приложенном к книге П. Фридриха, как и в труде Гамкрелидзе и Иванова, работы Андре и Эрну по латинской ботанической терминологии не значатся.

Исследование показало, что роль латинского материала в этой реконструкции *весьма существенна*. Можно указать, по крайней мере, три общеиндоевропейских названия деревьев, где представлены латинские соответствия: *дуб* (*quercus*), *береза* (*farnus* и *fraxinus*, с семантическим сдвигом → *ясень*), *сосна* (*pīnus*). Прочие латинские названия деревьев имеют соответствия лишь в отдельных индоевропейских диалектах:

ornus ‘ясень’ – армян., греч., балт., слав., албан., герм., кельт.

alnus ‘ольха’ – герм., балт., слав., греч., кельт.

ulmus ‘вяз’ – герм., кельт., (возможно) слав.

salix ‘ива’ – греч., герм.

ebulus ‘бузина’ – балт., слав., кельт.

cornus ‘кизил’ – греч., балт., алб. (?), слав. (?)

fāgus ‘бук’ – греч., герм., кельт.

carpinus ‘граб’ – слав., балт.

corulus ‘орешник’ – кельт., герм.

nux ‘орех’ – кельт., герм.

Особняком стоят: *acer* ‘клен’ (итало-германская изоглосса), *pōpulus* ‘тополь’ (итало-греческая изоглосса).

Согласно приведенным соответствиям, наибольшее сходство в названиях *деревьев* обнаруживается между италийскими и германокельтскими языками (по 7), несколько меньше совпадений – с балтийскими и славянскими (6–5); следовательно, сходство наблюдается преимущественно в тех индоевропейских диалектах, которые принято объединять в группу «древнеевропейских». Возможно, названия деревьев в обозначенных языках в какой-то мере являются совместными новообразованиями, возникновение которых было связано с перемещением носителей данных индоевропейских диалектов на новые территории и обитанием в иных экологических условиях, в частности с иной флорой. Наличие некоторого числа латино-греческих соответствий (6) может свидетельствовать либо о сохранении обоими языками индоевропейского наследия, либо о позднейших совместных инновациях. Проведено сопоставление данных, полученных при рассмотрении названий деревьев, с результатами анализа происхождения латинской ландшафтной лексики. Сходство двух сравниваемых систем обозначения – ландшафта и названий деревьев – состоит в наличии небольшого числа терминов, сохранившихся от общеиндоевропейского периода (соответственно 5 : 3); в остальном можно заметить, что названия деревьев гораздо теснее сплачивают «древнеевропейские» диалекты в единую общность, чем обозначения элементов ландшафта. С экологической точки зрения этот факт, как нам представляется, должен свидетельствовать о большем сходстве растительности в местах обитания носителей указанных диалектов по сравнению с ландшафтом, сильнее отличавшемся от одной области к другой. Поэтому система терминов ландшафта могла подвергаться в каждом диалекте большему обновлению, чем арбореальная система обозначений. Здесь

не следует упускать из виду и важность хозяйственного фактора: преобладание возвышенностей или равнин играло не последнюю, если не решающую роль в образе жизни и занятиях древнего населения, имея в виду наличие плодородных земель, удобных пастбищ, наличие путей сообщения и пр. По поводу этимологии латинских названий деревьев можно сказать, что достоверных версий, объясняющих происхождение какого-либо названия, крайне мало. Дело в том, что за редким исключением эти названия представляют собой непроизводные образования, основа которых сама служила для создания целого ряда собственных производных, как прилагательных, так и существительных. В этом плане исключения представляют *farnus*, *fraxinus*, *carpinus*: прилагательные по форме, которыми первоначально, скорее всего, обозначали древесину дерева, впоследствии они стали названиями самих деревьев. Установить характерный признак, положенный в основу при наименовании *дерева* (форма или окраска листьев, плодов, цвет, вид или свойства коры, излюбленное место произрастания и т. п.), можно лишь с трудом и в единичных случаях. С большей или меньшей определенностью к этимологизируемым названиям относятся обозначения: клёна (*acer* сближают с *ācer* ‘острый’), ясеня (*farnus*, *fraxinus*, служившие изначально наименованием берёзы, получившей в нескольких индоевропейских языках свое название по цвету коры – ‘белая, блестящая’), бузины (*ebulus*, происхождение слова связывают с корнем **edh-* ‘острый’ из-за формы листьев), возможно, вяза (*ulmus*, предположительно от корня **el-* ‘серо-желтый’, который усматривают также и в названии ольхи, *alnus*). Бесспорным случаем является поздно зафиксированное латинское новообразование для названия осины – *tremulus* (субstantивированное прилагательное от глагола *tremo* ‘дрожать, трястись’) букв. ‘дрожащая, трепещущая’. Препятствуют установлению подлинной этимологии и семантические переносы, столь характерные для арборальной системы отдельных индоевропейских языков. Мнение П. Фридриха относительно возможности установления этимологии рассмотренных ботанических терминов носит весьма пессимистический характер (Friedrich 1970: 155). В области грамматики у латинских существительных, обозначающих деревья, привлекают внимание колебания в роде (обычно женский, реже мужской и средний) и в основе (на *-o-* или *-i-*).

Исследование процессов номинации привело лингвистов к выводу, что *метафора* как средство создания новых значений слов на базе уже существующих в языке является наиболее продуктивным способом пополнения и обиходно-бытового, и научно-терминологического словаря. Метафора как результат отношений между двумя значениями слова, из которых одно – исходное, а другое – производное, служит ярким примером развития в сфере лексической семантики. То, что первоначально воспринимается как образное употребление слова, с течением времени закрепляется за словом в качестве его вторичного

значения. В лингвистических исследованиях не раз выделялись различные универсальные категории, порождающие метафоры; первое место среди них отводится антропоморфизму. В разделе «Роль метафоры в латинской ботанической терминологии и номенклатуре» нами была поставлена задача проследить возникновение латинских ботанических терминов и фитонимов благодаря метафорическому переосмыслению названий частей человеческого тела (так называемых *соматизмов*); этот процесс был, по-видимому, следствием одушевления латинянами окружающей природы. О создании отдельных терминов *ландшафта* с использованием соматизмов речь шла в 1-й главе (см., например, сущ. *vertex* ‘макушка’ > ‘вершина горы’, закрепившееся и в сфере растительности для обозначения *верхушки лиственных растений* и вошедшее в этом значении в научный обиход). На основе ассоциативного сходства между отдельными частями человеческого тела или животного – *ноги* (стопы, колена, голени, бедра, пятки и т.д.), *руки* (плеча, ладони, пальца), *головой* (глаза, уха, рта, языка, волос, бороды), *тела, кожи* и пр. – и частями (органами) растений возникла масса ботанических терминов и названий растений, многие из которых послужили базой для создания современной научной терминологии и номенклатуры. Значительный интерес представляет, в частности, история вхождения в ботаническую терминологию сущ. *planta* ‘ подошва ноги’, употреблявшегося в сфере растительности в двух значениях: 1) саженец, рассада 2) молодая ветвь, черенок. Все словари латинского языка считают *planta* ‘ подошва ноги’ и *planta* ‘саженец, черенок’ омонимами и приводят их под цифрами 1) и 2). В Этимологическом Словаре Эрну и Мейе (ЕМ: 512) отмечается, что форма *planta* 1 не имеет соответствий в других индоевропейских языках, являясь, таким образом, *латинской инновацией* (вторичное образование от основы презенса несохранившегося глагола с носовым инфиксом, имевшего, вероятно, значение ‘расширяться, распространяться’, индоевропейская основа **spleth-*). Следующим этапом, как полагают авторы Словаря, было возникновение от *planta* 1 ‘ подошва ноги’ глагола *planto* ‘уминаю землю ногами’, который получил в языке крестьян специальное значение ‘вдавливаться побеги, сажать’; в этом значении глагол сохранился в романских языках (франц. *planter*, ит. *piantare*). Далее от *planto* был образован отглагольный субстантив *planta* 2 ‘саженец’. Этой этимологической версии Эрну придерживается и в статье «Le vocabulaire botanique latin» (1965). Точка зрения Вальде и Хофманна по существу мало отличается от изложенной; важно отметить, что эти авторы отрицают идентичность *planta* 1 и *planta* 2, вопреки тому, что, по их собственным словам, «древние грамматикоты отстаивали их единство <...>; и все-таки уже в доисторическое время в языковом сознании *planta* ‘саженец’, должно быть, ощущалось как самостоятельное слово» (WH:

2, 317). На наш взгляд, следует, однако, отнестись с большим вниманием к мнению античных грамматиков, для которых метонимическая связь между *planta* ‘ подошва ноги ’ как орудием действия и *planta* ‘ отросток, саженец ’ как объектом действия, участвующими в едином процессе – посадке растения, была гораздо более очевидной, чем это представляется современным этимологам.

История *planta* 2 ‘саженец’ интересна и в другом отношении. В латинском языке не было специального слова для обозначения родового понятия «растение»: *arbor* ‘дерево’ и *herba* ‘трава’ соответствовали самым широким классификационным понятиям в сфере ботаники. Обобщающее значение «растение» появляется у *planta* впервые в XIII в. в сочинениях Альберта Великого, а французское слово *plante* приобретает это значение еще на триста лет позже¹⁹. В ботанической номенклатуре от *planta* образовано название подорожника – *plantago*, *inis* f, плоские широкие листья отдельных видов которого напоминали собой подошву ноги (André 1956: 254).

Едва ли не единственный случай, где ход семантического развития был противоположным вышеуказанному (соматизм → ботанический термин) отмечен для сущ. *spina* в значении ‘колочка, шип’, употреблявшегося также для обозначения любого из многочисленных видов колючих растений – терновника, боярышника, ежевики, шиповника и др. Обилие растительных значений *spina* и многочисленность его производных (*spineus* ‘снабженный шипами’, ‘колючий’, *spinetum* ‘терновник’, *spiniger* и *spinifer* ‘терновый, колючий’, *spinus* ‘поросший терном’, откуда *spinosa*, *orum* n pl. ‘колючие растения’, *spinus*, i f ‘черная колочка, дикая слива’ и др.) заставляет думать, что эти ботанические значения были первичными, а соматизм *spina*, засвидетельствованный впервые у Цельса (I в. н. э.) в значении ‘хребет’, ‘позвоночный столб’ имеет метафорическое происхождение. Аналогичный семантический переход произошёл и в древнегреческом: ἄκαιθα ‘колючее растение’ > ‘спинной хребет’.

Обзор латинских ботанических терминов, возникших на основе метафорического переосмысления слов, входящих в состав соматической лексики, показал, что роль *метафоры* как средства номинации в сфере растительной лексики была весьма значительна: около половины общего количества соматизмов используются в латинской ботанической терминологии для обозначения различных органов растений и в ботанической номенклатуре – для наименования растений. Без всякого сомнения можно утверждать, что ни в одной другой лексико-семантической группе не наблюдается такого числа метафорически

¹⁹ Ульманн С. Семантические универсалии. Пер. с английского // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 5 (Языковые универсалии). М., 1970. С. 264.

употребляемых соматизмов, как в сфере растительности. Возникновение у соматизмов переносных значений, относящихся к ботанической терминологии, было вызвано насущной необходимостью обозначить каким-либо образом определенные органы растения, обычно (но далеко не всегда) ввиду отсутствия для них в латинском языке специальных названий, созданных с помощью словообразовательных средств, то есть грамматическим путем.

Авторами многих метафорических переносов несомненно были те, кто самым тесным образом соприкасался с объектами живой природы, кто возделывал землю, – сельские жители. Пользуясь их терминологией, писатели составляли свои руководства по различным отраслям сельского хозяйства. В определенной мере из того же источника черпали образные выражения и поэты; вопрос об их собственном вкладе в ботаническую терминологию требует отдельного углубленного изучения. Относительная легкость, доступность образного переосмысления соматизмов способствовала их широкому проникновению сразу в несколько тематических групп лексик (ландшафтную, бытовую, ботаническую и пр.) для передачи новых понятий, возникающих по мере освоения окружающего мира и углубления знаний о природе в результате интенсивной хозяйственной деятельности. Такой способ активного вовлечения соматизмов в сферу номинации следует рассматривать, безусловно, как одно из проявлений принципа экономии языковых усилий. Научной ботанической терминологии древние римляне не создали, – это было делом отдаленного будущего, но они заложили ее фундамент, и немалое число метафорически переосмысленных соматизмов стали кирпичиками этого фундамента.

Предметом рассмотрения в следующем разделе главы является история амбивалентного имени *truncus*. Теоретической базой исследования послужили, в частности, работы акад. В. М. Жирмунского о становлении категории прилагательных в индоевропейских языках. Будучи формально и существительным и прилагательным, лат. *truncus* в обеих своих ипостасях имеет значения, включающие его как в число соматизмов (сущ. ‘тело’, ‘труп’, прил. ‘изувеченный, искалеченный’), так и ботанических терминов (сущ. ‘ствол дерева’, прил. ‘обрубленный’, ‘лишённый сучьев’). Между учёными нет согласия в вопросе о том, какое значение сущ. *truncus* следует считать первичным, а какое возникшим благодаря метафорическому переосмыслению; нет ясности и в вопросе о способе образования прил. *truncus*; предлагаемые этимологии этого имени сомнительны. В данном разделе диссертации доказывается первичность растительного значения имени *truncus* и предлагается новая этимологическая версия с привлечением данных славянских языков. Непосредственным продолжением изложенной темы является раздел о соотношении латинских *corpus* и *truncus* и особом ви-

де метафорических сближений между ними. Сущ. *corpus, oris* n ‘тело’ относится к числу слов с необычайно развитой полисемией: спектр его значений колеблется от базисного, древнейшего слоя – соматической лексики до самого высокого уровня абстракции – значений, относящихся к строению вещества, материи (аналогично греч. σῶμα). Часть физических значений *corpus* метафорически использовалась в сфере растительности, хотя употребление *corpus* ‘тело’ применительно к растению в целом расценивается лингвистами лишь как особенность поэтического стиля речи. Как уже было отмечено, в латинской ботанической терминологии типичным способом номинации с помощью метафоры является использование соматизмов для обозначения частей растения. Обратный процесс, когда «растительный» термин переосмысливается как соматизм (например, *spīna* ‘шип, колючка’ → ‘хребет’, ‘позвоночный столб’), наблюдается крайне редко. Анализ значений *corpus* и *truncus* дает нам совершенно особую картину: взаимопроникновение, взаимообмен значениями обеих сопоставляемых лексем, в результате которого, благодаря использованию метафоры, каждое из слов обогащается новыми смыслами. Так, латинские авторы активно пользуются соматизмом *corpus* для обозначения ствола дерева (при наличии *truncus* ‘ствол’) и его древесины (при наличии *lignum*), а также мякоти, сердцевины самых разных плодов (наряду с соматизмами *caro, pulpa* и при отсутствии для мякоти специального, общего названия). *Truncus* ‘ствол’, в свою очередь, становится заместителем *corpus*, приобретая значение ‘тело’, ‘туловище человека’, а затем, с дополнительным оттенком (по аналогии со стволом дерева, очищенным от ветвей, сучьев) – ‘тело, лишенное членов и /или головы’, то есть ‘труп’.

Этот процесс взаимообмена между соматизмами и «растительными» терминами обусловлен, несомненно, представлениями латинян о сходстве в устройстве человеческого организма и назначении его частей и органов с организмом животных и, главное, растений. Как выяснилось, развитие метафорических значений у *corpus* и *truncus* было обусловлено предметным сходством не только по признаку формы, но и по функции. Семантическая двойственность существительного *truncus* – 1) ствол дерева 2) тело человека, туловище – нашла также свое отражение в отыменном глаголе *trunco, -are* и его префиксальных производных: ‘обрезать’ (напр. *сучья, лозу*, в агрономических сочинениях); ‘увечить, уродовать, расчленять’ (*тело человека, скот, животных*). Продуктом живой народно-разговорной речи представляется развитие у сложных с *trunco* глаголов значения ‘быстро, жадно есть’, ‘пожирать’, ‘расправляться с пищей’, очевидно, отрезая от нее куски (впервые в комедиях Плавта, также у Апулея). Семантически родственным является диминутив *trunculus, i m* ‘годный в пищу кусок, отрезанный от туши животного’ (*trunculi suum* ‘свиные окорока’). Однако

отыменный глагол *corporo*, *-are* только в архаической латыни имел значения, сближавшие его с *trunco*, – ‘поражать намертво’, ‘убивать’ (Энний). Имеются префиксальные образования с *corporo* (*con-*, *in-*, *re-*), но преимущественно у поздних, христианских авторов, где возникает необходимость обозначать такие понятия, как *облекать плотью*, *воплощать*. Далее прослеживается история терминов *corpus* и *truncus* в романских языках. В итальянском сохранился ряд значений лат. *corpus*: ит. *corpo* ‘тело’; ‘плоть’; ‘туловище’, ‘стан’, но «растительные» метафорические значения оказались утраченными. Ит. *tronco* (сущ.) имеет почти те же основные значения, что и лат. *truncus*: 1) ствол (дерева) 2) обрубок, колода, обломок 3) туловище, торс и т. д. Аналогичная картина в испанском: *tronco* (наряду с *torso*) может означать и ‘туловище’, и ‘ствол’ (дерева, колонны, наряду с *fuste*). Франц. *corps* сохранило и исходное значение лат. *corpus* ‘тело’, ‘туловище’, ‘стан’, и вторичное ‘мертвое тело’, ‘труп’; однако «растительные» значения *corpus* – ‘ствол’, ‘древесина дерева’, ‘мякоть плода’, вышли из употребления. Таким образом, данные современных языков, генетически восходящих к латинскому, свидетельствуют о том, что более редкая для латыни модель метафорического развития значений *растение* (здесь *truncus*) → *соматизм* (здесь *corpus*) оказалась более устойчивой в данном конкретном случае по сравнению с моделью переноса значения *соматизм* → *растение*, которая романскими языками была утрачена. Как мы пытались показать, определенное сходство между стволом дерева и телом/туловищем человека, подмеченное еще в глубокой древности и нашедшее отражение в латинском языке, остается осязаемым и для людей нового времени, однако из двух возможностей образного отождествления этих объектов современные романские языки сохранили только одну.

Исследование ботанического термина *bacca* ‘ягода’, относимого по классификации А. Эрну к группе изолированных слов, чье происхождение неизвестно (Ernout 1965), задумано как параллельное сравнение с паронимом *bucca* ‘щека’; ‘кусочек пищи, который можно принять за один раз’ с целью выявить сходства и различия как в ходе семантического развития указанных слов, так и в путях их распространения в романских и балканских языках. Побудительной причиной и отправной точкой для исследования послужила статья А. В. Десницкой «Лат. *bucca* – пути распространения одного общероманского слова» (Десницкая 1984).

Латинские *bucca* и *bacca* прежде всего связывает формальная близость: они различаются только гласными корня. Звонкий губной смычный *b* был почти не употребителен в начале обычного индоевропейского слова, и в латинском количество слов с нач. *b* сравнительно невелико. Наличие *b* в начале латинского слова представляет собой явление недавнего времени и имеет разное происхождение. Ж. Марузо, обследовавший всю серию слов с нач. *b* в «Этимологическом словаре латинского языка» Эрну и Мейе, пришел к выводу, что за исклю-

чением случаев, когда нач. *b* является результатом чисто фонетических процессов, например, ассимиляции согласных, «не существует ни одного латинского слова с нач. *b*. Большинство представленных в словаре слов следует отнести к категории заимствованных» (Marouzeau : 82)²⁰: преобладающее число заимствований – грецизмы; в ряду заимствований из кельтских языков, в частности галльского, находится *bucca*; *bac(c)a* – слово некоего средиземноморского языка. По другой версии лат. *bucca* ‘щека’ образовано от комплекса **bu-*, обозначающего взрывной звук, издаваемый надутой щекой; сочетание *-cc-* рассматривается как аффективное удлинение гуттурального расширителя корня (WH: 1, 120). В этом случае следует отнести *bucca* к числу собственно латинских звукоподражательных образований, как возникшее в недрах разговорной речи в противовес литературному синониму *gena* ‘щека’. Ономатопеический характер *bucca* признают и авторы Оксфордского словаря (ср. гр. βύκτης ‘воющий’, о ветре, ἄνεμος). *Bacca* ‘ягода’ – экспрессивное дублетное образование к исходной форме *bāca* (Тронский 2001: 115). Наличие паронима *bucca* могло повлиять на возникновение экспрессивной формы *bacca*, учитывая сходство форм надутой щеки и ягоды (антропоморфизм), а, кроме того, созвучие сущ. *bacca* с именем бога виноградарства Бахусом (Вакхом – лат. *Bacchus*, древнее заимствование из греч. Βάκχος). Однако для обозначения ягод винограда, из которых делали вино, употребляли *acinus*, *i* m (или *acina* – собир. мн.ч. ср.п.), не имеющее определенной этимологии, как большинство слов, связанных с культурой винограда и виноделия. Словом *bāca* обозначали чрезвычайно разнообразные плоды дерева или куста (иногда с косточкой) (André: 1956: 49); для ягод винограда название *bāca* никогда не употреблялось.

Изменения в семантике *bucca* начались уже в самом латинском: литературные слова классической латыни *genae* ‘щёки’ (мн.ч.) и *ōs*, *ōris* n ‘рот’ постепенно выходят из употребления под давлением более выразительного конкурента *bucca*, присвоившим себе оба значения – и *щека* (обычно во мн.ч.), и *рот* (ед.ч.). В большинстве романских языков *bucca* стало нейтральным обозначением понятия *рот*: ит. *bocca*, f, исп. *boca*, f, фр. *bouche*, f и др. На востоке лингвистической Романии сохранились первичные значения лат. *bucca*: 1) щека 2) кусок пищи, принимаемый за один раз. Нейтральное лат. *ōs* ‘рот’ сменилось в румынском словом, восходящим к просторечному лат. *gula* ‘глотка’. В албанском среди многочисленных латинских слов, рано вошедших в его лексический состав, представлено *bukë*, f (< лат. *bucca*) в трех новых специфических значениях, не имеющих соответствий в романских языках: 1) хлеб (основное значение) 2) еда, трапеза (дневная или вечерняя) 3) зарабатывание средств к существованию, то есть на хлеб (во фразеологических оборотах); источником для развития значений албанского *bukë* послужило второе значение лат. *bucca* ‘количество

²⁰ Marouzeau J. Quelques aspects de la formation du latin litteraire. Paris, 1949.

пищи, принимаемое за один раз'. Алб. *gojë* 'рот' считают заимствованием из итал. *gola*.

Лат. *bac(c)a* претерпело в романских языках некоторые семантические изменения, практически оставаясь в рамках растительной терминологии (Meуer-Lübke № 859); особенности этих изменений, в том числе метафорических переосмыслений, прослежены на материале каждого романского языка в отдельности. Также рассмотрено своеобразное семантическое развитие уменьш. *bācula* 'ягодка', нашедшего отражение только в отдельных диалектах и говорах итальянского языка; заимствование этого слова албанским из североитальянских говоров далеко не бесспорно.

Различие в ходе семантического развития исследуемых латинских лексем *bucca* и *bacca*, по-видимому, изначально было обусловлено их вхождением в разные тематические классы. Известно, что *соматизмы* во всех индоевропейских языках обладают самыми широкими возможностями развития новых значений, особенно благодаря метафорическому переосмыслению, пополняя таким образом лексику ландшафтную, растительную, хозяйственную и пр. Напротив, термины в сфере *растительности* гораздо более ограничены в плане создания новых значений, выходящих за пределы их области, за исключением, может быть, физической и умственной характеристики человека. Отсюда столь заметная разница в разветвлении значений *bucca*, **buccāta*, – впрочем, иногда весьма специфичном для каждого из рассмотренных языков, – и в ходе семантического развития *bacca*. Невостребованность лат. *bacca* в отдельных языках может объясняться отсутствием потребности в родовом термине *ягода* при наличии специальных названий для плодов конкретного вида дерева или кустарника. Однако в ботанике лат. *bacca* 'ягода' по праву получило статус термина.

Заключительный раздел третьей главы посвящён анализу значения и формы известного с времён античности экзотического растения-паразита – омелы (*viscum*, i n), название которого не имеет ясной этимологии; второе значение *viscum* – 'птичий (= птицевывный) клей, получаемый из ягод омелы'. Много внимания уделено особенностям этого растения и его применению в медицинской и хозяйственной сферах жизни. Отмечены весьма многочисленные производные от *viscum* (*viscarago*, *inis* f 'чертополох', прилагательные – новообразования *viscinus*, *viscineus*, *viscillarius*, зафиксированные в глоссах в значении 'птицелов' или 'продавец птиц', *viscosus* 'клейкий, липкий'; *viscidus* (о вязущем, терпком вкусе вина). Особо выделено довольно древнее отыменное прил. *viscatus*, *a*, *um* 'смазанный птичьим клеем', очень рано приобретшее переносное значение с негативным оттенком: *viscatae manus* «вороватые руки», то есть руки, к которым все прилипает (Lucil. Maior, II в. до н. э.), *viscata munera* «корыстные подарки, рассчитанные на получение выгод» (Plin. J. Ep. 9. 30. 2), *ista viscata beneficia* «эти благодеяния, заманивающие в ловушку» (Sen. Ep. 8. 3). У Овидия появляется глагол *viscare* 'ловить или прочно закреплять с

помощью птичьего клея, склеивать'. Этимология лат. *viscum* ставит много вопросов, поэтому одни лингвисты относят этот фитоним к терминам, не имеющим надёжного объяснения (Эрну 1965, Gruyt 1986), другие связывают его с фонетически сходными германскими и славянскими соответствиями, обозначающими *вишню*, то есть с семантическим переносом (Вальде – Хофман, Гамкрелидзе – Иванов, Фасмер). Предлагаемая нами этимология предполагает включение *viscum* (< * *vicsom*, с метатезой – Тронский 2001: 136) в семантическое поле группы глагола *vincio* 'вязать, привязывать, связывать' и фитонима *vicia, ae f* 'вика, кормовая трава'. История происхождения лат. *viscum* сопоставляется с рассмотрением этого фитонима в скандинавских языках, где он встречается в исландском эпосе (др.-исл. *mistilteinn* 'оМЕЛА').

Обобщая результаты изучения материала третьей главы, следует отметить, что на первый план надлежит выдвинуть идею о закладывании основ латинской *ботанической терминологии* (в широком смысле слова), о процессе её зарождения, в основе которого лежал метод метафорического переосмысления соматизмов. Тесное взаимодействие и взаимовлияние соматизмов и терминов растительности в семантическом плане рассмотрено в разделах о соотношении *corpus* и *truncus, bussa* и *bacca*. Вопрос о сохранении индоевропейского наследия в латинской ботанической номенклатуре изучен на материале двадцати названий деревьев, этимологии которых, к сожалению, поддаются определению лишь в редких случаях.

Заключение. История развития латинской лексики, как и лексики любого языка, складывается из истории отдельных слов. Сходные явления, характерные для изменений в лексической сфере, можно наблюдать в каждом языке: развитие новых значений слова в процессе его употребления, превращение отдельных слов в архаизмы и их выпадение из лексического состава языка, возникновение новых слов. Наряду с изучением отдельных слов, возможно и необходимо изучение закономерностей развития в группах (классах) слов, объединённых общей семантикой, поскольку каждый из тематических классов обладает своими особенностями и возможностями в развитии значений, зависящими от множества различных факторов. Наиболее трудной проблемой является выяснение причин, по которым происходят изменения в отдельных словах и в группах слов в целом.

Общая задача нашего исследования состояла в том, чтобы проследить определенные закономерности в развитии латинской лексики в пределах рассматриваемых нами тематических классов. В качестве начального объекта исследования была выбрана *ландшафтная лексика*, так как ландшафт, наравне с климатом, является важной характеристикой среды обитания народа, определяющей его хозяйственную деятельность. Подробный анализ материала позволил сделать вполне конкретные выводы. Главным из них является вывод о том, что в этом тематическом классе латинской лексики наблюдается гораздо более

утрат терминов, относящихся к общеиндоевропейскому наследию, чем их сохранения, наряду с появлением значительного количества собственно латинских новообразований, созданных, тем не менее, в большинстве случаев с использованием индоевропейских корней и основ. Большую роль в процессе обновления латинской лексики сыграли явления субстантивации и метафоризации.

Изучение материалов главы «*Латинская земледельческая лексика*» наглядным образом показало не только сохранение прочной индоевропейской базы в наименованиях важнейших терминов земледелия, но также значительное расширение этой базы главным образом за счёт развития латинской системы глагольной префиксации, особенно у глагола *sero* и производного от того же корня синонимичного глагола *semino*. Основная масса префиксальных производных от глаголов *aro*, *sero*, *semino*, *meto*, *seco* образована с помощью префиксов, засвидетельствованных и в других ветвях индоевропейской языковой семьи. Анализ семантики префиксальных производных показал, что все они (за редким исключением) сохраняют живую связь с первичными глаголами, во многом дублируя как их конкретные, так и абстрактные значения.

Прежде чем излагать результаты изучения материалов третьей главы исследования, необходимо сделать некоторые пояснения. Ботаническая лексика практически складывается из двух составляющих – ботанической терминологии (названия органов растений) и ботанической номенклатуры (названия растений, или фитонимы), хотя слово *терминология* в расширительном (не строго научном) значении часто используют для обозначения обоих разделов ботаники, вместе взятых. Рассмотрению латинской ботанической номенклатуры предыдущими исследователями (Андре, Эрну) уделялось значительно больше внимания, чем терминологии. Заполнению этого пробела и посвящен в нашем исследовании начальный раздел главы «*Ботаническая лексика*». Обзор латинских ботанических терминов, возникших на основе метафорического переосмысления слов, входящих в состав *соматической* лексики, показал, что роль *метафоры* как средства номинации в сфере растительной лексики была весьма значительна: около половины общего количества соматизмов используются именно в латинской ботанической терминологии для обозначения различных органов растений и в меньшей мере – в ботанической номенклатуре (для наименования видов растений). Без всякого сомнения можно утверждать, что ни в одной другой лексико-семантической группе (в сравнении, например, с ландшафтной лексикой) не наблюдается такого числа метафорически употребляемых соматизмов, как в сфере растительности. Некоторое число терминов, возникших в результате переосмысления латинских соматизмов, закрепились впоследствии в научной ботанической сфере.

Всестороннее исследование трёх важных и крупных тематических классов латинской лексики в конечном итоге привело к заключению о

том, что в зависимости от конкретной тематики каждый класс имеет свои отличительные особенности как в плане сохранения пережитков древнего индоевропейского состояния, так и в плане различных способов пополнения лексического состава каждого класса на путях самостоятельного развития латинского языка.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора.

Монография:

1. Грошева А. В. Латинская земледельческая лексика на индоевропейском фоне. СПб.: Наука, 2009. 413 с.

Научные статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

2. Грошева А. В. Латинская лексика в трудах И. М. Тронского // Индоевропейское языкознание и классическая филология – II. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: ИЛИ РАН, 1998. С. 174–179.

3. Грошева А. В. Словообразовательный ряд латинского глагола *sero* ‘сеять’ // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 1, ч. 1. СПб.: Наука, 2003. С. 73–86.

4. Грошева А. В. Обзор префиксальных образований с латинским глаголом *sero* ‘сеять’ // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 2, ч. 1. СПб.: Наука, 2006. С. 134–156.

5. Грошева А. В. Лексико-семантическая группа ‘снимать/убирать урожай’ (глагол *meto* ‘жать’) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 3, ч. 3. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 301–313.

6. Грошева А. В. О нескольких латинских названиях *борозды* // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XI. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 59–74.

7. Грошева А. В. Трактат Варрона «О сельском хозяйстве» (лингвистический аспект) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – V. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: Наука, 2001. С. 32–37

8. Грошева А. В. Латинские термины землевладения (*fundus, praedium, villa*) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VI. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: Наука, 2002. С. 48–53

9. Грошева А. В. Взгляд лингвиста на латинскую ботаническую терминологию // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VII. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: Наука, 2003. С. 159–165.

10. Грошева А. В. Лат. *corpus* и *truncus* (метафорические сближения) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН (К 80-летию проф. В. М. Павлова). Т. 3, ч. 1. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 94–108.

11. Грошева А. В. Лат. *viscum* ‘омела’ (к проблеме формы и значения) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 4, ч. 1. СПб.: Наука, 2008. С. 221–233.

12. Грошева А. В. Римский завтрак // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: Наука, 2004. С. 49–57.
13. Грошева А. В. *Земля* и ее характеристики в сочинениях латинских авторов // Индоевропейское языкознание и классическая филология – X. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: Наука, 2006. С. 59–67.

**Статьи, опубликованные в сборниках научных трудов
и периодических изданиях**

14. Грошева А. В. Ареальные связи латинской лексики (на материале терминов ландшафта) // Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов. СПб.: ИЛИ РАН, 1998. С.73–98.
15. Грошева А. В. К изучению названий злаков (лат. *frumentum*) // *Colloquia classica et indoeuropica* – II. СПб.: Алетейа, 2002. С. 127–131.
16. Грошева А. В. О нескольких этимологиях Варрона (*колос* и его части) // Сборник статей к 75-летию со дня рождения проф. А. Л. Грюнберга. СПб.: Наука, 2006. С. 310–318.
17. Грошева А. В. Особенности синтаксического строя ранней латинской прозы (на материале трактата «De agri cultura» Катона) // Синтаксические особенности литературных языков на ранних этапах их формирования (на материале индоевропейских языков). Л., Наука, 1982. С. 3–52.
18. Грошева А. В. Роль метафоры в латинской ботанической терминологии и номенклатуре // *Colloquia classica et indogermanica* – III. СПб.: Наука, 2002. С. 253–282.
19. Грошева А. В. Индоевропейское наследие в латинских названиях деревьев // *Ἠρῶ μάναςᾶ*. Сборник статей к 70-летию со дня рождения проф. Л. Г. Герценберга. СПб.: Наука, 2005. С. 252–272.
20. Грошева А. В. К истории лат. *truncus* // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения акад. В. М. Жирмунского. СПб.: Наука, 2001. С. 154–158.
21. Грошева А. В. Судьба двух латинских паронимов (1. *bucca* – 2. *bacca*) // Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения чл.-корр. А. В. Десницкой. СПб.: Наука, 2002. С. 66–72.
22. Грошева А. В. Лат. *pinus* сосна в индоевропейском освещении // Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. М. И. Стеблин-Каменского. СПб.: Наука, 2003. С. 166–171.
23. Грошева А. В. Соматизмы в латинской лексике (обозначение *ноги* и её частей) // *Studia Linguistica et Balcanica*. Памяти А. В. Десницкой (1912–1992). СПб.: Наука, 2001. С. 144–151.